

БЗ.52(2 ЧТ=К-Б)
М530

1283335

И. М. МИЗИЕВ

НАРОДЫ КАБАРДЫ и БАЛКАРИИ в XIII - XVIII вв.

НАЛЬЧИК - 1995

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ КБР

И. М. МИЗИЕВ

НАРОДЫ
КАБАРДЫ
И БАЛКАРИИ
В XIII-XVIII ВВ.

123335

НАЛЬЧИК · «ЭЛЬБРУС» · 1995

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

65,2- (271-281)
M586

Рецензенты:

доктор ист. наук, проф. *А. И. Мусукаев*,
канд. ист. наук *Р. Ж. Бетров*,
канд. ист. наук *И. М. Шаманов*

Мизиев И. М.

М Народы Кабарды и Балкарии в XIII—XVIII веках: Пособие для учителей и краеведов.— Нальчик: Эльбрус, 1995.— 112 с.

ISBN 5-7680-1003-3

В данной работе исследуются этногенетические корни кабардинского и балкарского народов, вопросы развития материальной и духовной культуры, обычаи, нравы, традиции этих народов Кавказа.

М $\frac{4306010600-025}{M125(03)-95}$ 95

ISBN 5-7680-1003-3

© И. М. Мизиев, 1995

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы вместе с неуклонным ростом чувства национального достоинства непременно растет и постоянный интерес людей к истории и культуре своих народов.

В условиях многонационального Северного Кавказа к этим вопросам проявляют особый интерес как из-за самобытности каждого народа и его традиционной культуры, так и большой степени интеграции различных культурных течений.

Высокая степень интеграции культурных достижений наблюдается и в истории народов Кабардино-Балкарии.

После известных событий, связанных с татаро-монгольским нашествием и походами Тимура в XIII—XIV вв., основными жителями территории нынешней Кабардино-Балкарии являются кабардинцы и балкарцы.

Кабардинцы представляют собой один из адыгских народов, относятся к абхазо-адыгской группе иберийско-кавказских языков. На этих языках говорят многие народы Кавказа — грузины, сваны, мегрелы, хевсуры, тушинцы, чеченцы, ингуши, аварцы, лакцы, даргинцы и другие дагестанские народы (кроме кумыков). К абхазо-адыгской группе относятся языки абхазов, черкесов, адыгейцев, кабардинцев и других адыгоязычных народов. Ближайшие соседи называют кабардинцев *кашкон* (осет.), *черкес*, *к̄абарты* (карач.-балк.).

Балкарцы являются древнейшим тюркоязычным народом Кавказа. Соседние народы сохранили за ним имена древних тюркских народов: *ассон*, то есть *асы* (осет.), *сабир* (сваны), *балкар* (кабард.), *басиан* (груз.), *аланы* (мегрел.).

Многовековое обитание в горах Кавказа, тесные экономические и культурные связи с соседними народами

способствовали формированию у кабардинцев и балкарцев во многом общего с другими кавказцами хозяйственного уклада, материальной и духовной культуры.

Ныне оба народа вместе с представителями многих других национальностей являются тружениками Кабардино-Балкарской Республики в составе Российской Федерации.

Глава I

О ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ И ПРОИСХОЖДЕНИИ БАЛКАРЦЕВ

§ 1. Историко-этнографическая справка

Балкарцы являются одним из самых высокогорных народов Кавказа, говорят на тюркском языке, относятся к так называемому кавкасионскому антропологическому типу европеоидной расы.

Названия высочайших вершин и ледников, крупнейших рек Центрального Кавказа — Минги-тау, Дых-тау, Қатын-тау, Қоштан-тау, Терек, Малка, Чегем, Черек, Баксан, Кубань и другие — имеют только тюркоязычные объяснения.

Перечисленные факты издавна обуславливали ослабленное внимание ученых ко многим вопросам древнейшей истории балкарского народа. Но, к сожалению, эти вопросы до сих пор освещены недостаточно. Самой сложной в данном случае является проблема: каким образом тюркский язык и его носители — европеиды оказались на гребне Кавказа в плотном окружении других языков и культур? Полагать, что это произошло лишь в XIV—XV вв. после погромов всемирного завоевателя Тимура, как думают отдельные авторы, нет никаких научных оснований. Практически было невозможно заселить высокогорные районы Центрального Кавказа, минуя другие этнические группы, будто бы издревле здесь обитавшие. Кроме того, не было никакой возможности уже к XVI—XVII вв. успеть переименовать на тюркский лад названные вершины, реки, фирновые поля и отразить их в балкарских эпических нартских сказаниях. И в самом деле, ведь не было же никакой необходимости позднему населению, появившемуся в этих районах, переименовывать такие названия, как

Беш-тау, Золка, Ак-баш, Кара-агач, Кишпек, Кызбурун и мн. др., бытующие и по сей день.

Общеизвестно, что специфические особенности традиционной культуры тюркских народов, в т. ч. и балкарцев, уходят в глубь веков истории и культуры евразийских степей и скифов-кочевников: курганная насыпь, захоронения в деревянных колодах и срубах, сопровождение умершего жертвенными животными (овцами, лошадьми), употребление в пищу конины, кумыса, айрана, традиции изготовления войлока и войлочных изделий, способы гадания на ивовом мочале и прутьях, способ варки мяса без дров и котла и мн. др.

Для того чтобы правдоподобно освещать историю народов, необходимо искать пути и методы зарождения специфических особенностей народной культуры. Исходя из этого, поиски зарождения особенностей культуры тюркских народов должны быть начаты с эпохи IV—III тыс. до н. э., когда зарождались перечисленные элементы культуры.

На рубеже IV—III тыс. до н. э. так называемые племена древнеямной (курганной) культуры, ведущие подвижной овцеводческий образ жизни, определившие свои особенности в Волго-Уральском междуречье в указанный период, начинают проникать на Северный Кавказ.

Значительный след эти племена оставили в известном Нальчикском могильнике того периода (р-н нынешней Опытной станции садоводства), в курганах у сел. Лечинкай, Кишпек, Шалушка, Ак-баш, Былым и других пунктах Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа. Именно в этот период происходит первый контакт и симбиоз, синкретическое развитие культуры горских и степных племен.

Балкарцы закрепили за собой общее географическое название *таилу* — «горец», а в обращении друг к другу, к группе людей, понимающих их язык, в качестве понятий «сородич», «соплеменник», сохранили этноним *алан*, восходящий к тюркскому слову «долина». В сочетании этих двух терминов мы видим симбиоз и слияние двух понятий: кавказцы-горцы и степняки-курганники. Поскольку древнеямники (курганники) были европеоидами, то и отмеченное антропологическое смешение произошло без особых осложнений и отразилось

на современном антропологическом облике балкарцев, превратившихся в «классических кавкассионцев».

Этногенетические корни балкарского народа в определенной степени освещены в исторической памяти соседних народов. Так, например, самые длительные исторические партнеры и соседи балкарцев — осетины называют балкарцев *асс+он*, т. е. *асы*, Балкарию они называют *Ассиаг*, а Карачай — *Стур-ассиаг* («Большая асия»). А поскольку еще в XIII—XV вв. *ас* был самоназванием алан, следовательно, осетины этноним *алан* или *ас* сохранили не за собой, а за балкарцами. Другие соседи, к примеру мегрелы, называют карачаевцев не иначе как *алан*. А по словам такого крупнейшего ученого, как Н. Я. Марр, термин *ас* грузины и сваны сохранили за названием карачаевцев и балкарцев.

Известно, что вторым крупным слагаемым в формировании балкарского народа являлись кавказские болгары, имя которых сохранено в названии балкарцев, особенно балкарцев Черекского ущелья. Имя кавказских болгар еще во II в. до н. э. закреплено за жителями Центрального Кавказа. Об этом вполне однозначно пишут древнеармянские письменные документы.

Из всего изложенного вытекает, что древнейшую основу формирования балкарского народа составило смешение древнейших кавказцев с древнейшими кочевыми племенами евразийских степей. Позднее в этот процесс включались тюркские племена скифов, алан и болгар.

На различных этапах процесса формирования и интеграции названных племен в балкарский народ происходили разносторонние межэтнические контакты с соседними народами. Подобные контакты прекрасно иллюстрируются целым рядом старинных балкарских патронимических названий, восходящих к этническим именам соседей. Таковы, например, названия фамилий: Черкесовы, Кабардиковы, Кабардоковы, Эбзеевы, Кумыковы, Ногайлиевы, Дюгерлиевы и мн. др.

В дооктябрьском прошлом балкарцы сыграли огромную роль в зарождении и развитии отечественного альпинизма и горного туризма, географической, геофизической науки и т. д. Особую роль в этом сыграла известная балкарская семья Урусбиевых. Здесь достойно отметить Мырза-кула Урусбиева, его сыновей Измаила,

Хамзата, Магомета. В этой семье не раз гостили и встречали радушный прием выдающиеся деятели передовой русской науки и культуры: М. М. Ковалевский, А. В. Пастухов, И. В. Мушкетов, Г. В. Абих, П. К. Михайловский, С. И. Танеев, Н. А. Ярошенко и мн. др. В этой семье постоянно гостили видные альпинисты и путешественники из Англии, Венгрии, Польши, Швейцарии, Германии, Франции и других стран. Большой вклад в науку и просветительство внесли сыновья Измаила Урусбиева — Сафар-Али, Науруз, получившие образование в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга и Москвы.

Неоценимый вклад в культурно-историческое наследие внесли такие сыновья и дочери Балкарии, как историк Мисост Абаев, скрипач Солтанбек Абаев, просветительница Ханифа Абаева, Фуза Шакманова, Али-мурза и Дадаш Балкаруковы, выдающийся юрист и просветитель Басиат Шаханов, видный хирург проф. Абай Шаханов и другие.

Балкарский народ, как и его соседи, свято чтит свое историко-культурное наследие и множит ратный и трудовой подвиг своих предков и соотечественников.

Наиболее слабо разработанной проблемой в истории кабардинского и балкарского народов являются вопросы их происхождения. Особенно слабо эта тема освещена в истории балкарского народа, поэтому на ней приходится остановиться более подробно.

Весь имеющийся в науке материал говорит о том, что этнические корни балкарцев надлежит искать в недрах древнейшего Кавказа и тех пратюркских племен, которые находились на гребне первых этнических волн тюркоязычного населения, накатывавшегося в Предкавказье из евразийских степей, особенно Волго-Уральского междуречья. Иначе они не могли оказаться на гребне Центрального Кавказа.

Имея в виду изложенные факты, проблему происхождения балкарского народа можно тесно увязать с тремя глобальными вопросами:

1. Каким наиболее ранним периодом в пределах Центрального Кавказа можно датировать тюркские термины и этно-, топогидронимы, известные нам на данном этапе развития науки об истории древних племен?

2. Как далеко в глубь веков древней истории Восточной Европы уходят истоки отдельных элементов тра-

диционной материальной и духовной культуры балкарцев, отличающие их от соседних народов?

3. Что сохранил народ в своих идеологических воззрениях и фольклоре о своей этнической истории, и есть ли в этом наследии рациональное зерно?

В поисках ответов на эти вопросы всегда нужно иметь в виду, что в истории любого народа большую роль играли переселения древних племен. «Все дело в том, — пишет В. В. Мавродин в книге «Происхождение русского народа», — что одни переселения нашли отражение в письменных источниках, потому что они произошли сравнительно недавно. О других же, произошедших в древности, свидетельствуют лишь косвенные данные: язык, топонимика, антропологический тип, материальная культура, фольклор, обычаи и пр., но от этого они не перестают носить характер реальных исторических событий».

В этнической истории любого народа большую роль играет имя этноса, закрепленное в устах как самого народа, так и его непосредственных соседей, связанных с ним многовековыми этнокультурными и историко-политическими, экономическими и другими контактами. Недаром В. Ф. Миллер, анализируя этногенетические вопросы истории осетинского народа, на первое место выводил те сведения, которые содержались в хрониках их соседей — грузин. Полагаясь на общепризнанное положение о том, что самоназвание — это первостепенный признак племени и рода, можно констатировать, что для каждого из таких единств имя служит объединяющим признаком.

Суммируя все сказанное, можно подчеркнуть важность того факта, что балкарцы в устах извечных соседей: осетин, кабардинцев, сванов, мегрелов, абхазов и других — назывались *балкар, сабир, алан, басиан, ассон, ассиаг, азуго* и пр.

В 1959 году на Всесоюзной научной сессии по проблеме происхождения балкарцев был сделан вывод, что «балкарцы и карачаевцы образовались в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо, «черные болгары», и в особенности одно из западнокипчакских племен».

Этот вывод для того времени был очень важным, отвечал уровню имевшегося тогда научного материала, во многом способствовал и стимулировал дальнейшие поиски. Но по истечении 35 лет все это кажется более политическим, нежели научным выводом, аргументирующим восстановление автономных прав балкарского народа. Теперь этот вывод нуждается в серьезных уточнениях и дополнениях.

§ 2. Состояние изученности проблемы происхождения балкарского народа

В настоящее время практически существуют три гипотезы происхождения балкарцев:

1. Балкарцы — это аборигенные кавказские племена, смешавшиеся с древними болгарами.

2. Балкарцы — это аборигенные кавказские племена, смешавшиеся с аланами, якобы бывшими ираноязычными.

3. Балкарцы — это бежавшие от монголов в горы половцы XIII в., смешавшиеся с аборигенами Кавказских гор.

Для более полной характеристики проблемы необходимо остановиться на отдельных докладах на сессии 1959 года: из проанализированного тогда материала видно, что научными сведениями более всего обставлена гипотеза о болгарском происхождении балкарцев. Эта гипотеза в настоящее время принята такими видными учеными, как М. И. Артамонов, Л. Н. Гумилев, которые опирались на труды В. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского, В. В. Бартольда и др. Близки к признанию или признают эту точку зрения С. А. Плетнева, А. В. Гадло, В. Б. Ковалевская, В. А. Кузнецов, С. Я. Байчоров, автор настоящих строк и мн. др.

Однако существует и весьма спорный вопрос об ираноязычности алан и их участии в этногенезе балкарцев и карачаевцев. Говоря об аланском (псевдоиранском.— И. М.) субстрате в карачаево-балкарском языке, В. И. Абаев, вслед за В. Ф. Миллером, отстаивает тезис о том, что территория Балкарии и Карачая до XIII в. была заселена будто бы ираноязычными предками осетин. Как известно, Миллер строил свою теорию на нескольких поверхностно истолкованных топонимах, имеющих в своем составе якобы осетинские сло-

ва *дон* — «вода, река»; *ком* — «нёбо, пасть, отверстие»; *дор* — «камень». Примером такого толкования может служить название песчаного плато *Донгат*, где даже трава как следует не растёт, объясненное Абаевым как «мокрое место», «водянистое место», или же название дремучего высокогорного лесистого ущелья *Мыстыкам*, объясненное как «мышинное ущелье», и т. д.

Но даже если допустить такие лексические несуровости, необходимо было отмечать, что они обнаруживаются только на дигорском диалекте осетинского языка. А это обстоятельство в корне меняет всю картину в силу ряда серьёзных факторов:

— Махмуд Кашгарский в XI в. и Рашид ад-Дин в XIV в. называют среди тюрков-огузов племя *дигор*;

— в XIV в. выдающийся арабский историк и географ Абул-Фида размещал у Дарьяльского ущелья тюркоязычное племя *ас*;

— автор XIX в. Я. Рейнеггс писал, что дигоры/утигоры говорят на одном из старых тюркских наречий;

— дигорцы и балкарцы возводят своих родоначальников к двум родным братьям — Басиату и Бадинату. Прародительницей всех своих княжеских фамилий дигорцы считают карачаевскую княжну из рода Крымшаухаловых;

— в Дигории почти нет ни одной фамилии, которая не встречалась бы в Балкарии и Карачае;

— в Северной Осетии, в основном на территории Дигории, осетиноведы сами насчитывают около 150 тюркских топонимов, в числе которых запечатлены и древнетюркские этнонимы: *сабиры*, *басилы*, *басмалы*, *огуз*, *гуз* и т. д.;

— склепы-мавзолеи позднего средневековья на территории Дигории по архитектурным особенностям, погребальному обряду ничего общего не имеют с синхронными склепами осетин-иронцев и во всем сходствуют с подобными сооружениями Балкарии и Карачая.

После всего сказанного нет ничего удивительного в том, что обнаруживаются лексические сходства у балкарцев и дигорцев. Однако по «доводам» Миллера и Абаева, дигорцы проникли и осели на Кавказе где-то в III—IV вв., а балкарцы в XIII в., т. е. спустя 1000 лет после сармат, считающихся предками дигорцев. В таком случае трудно себе представить, каким же образом

сложилась эти лексические сходства у дигорцев и балкаро-карачаевцев, которые сохранили в своей речи наиболее характерные староосетинские термины, которыми оперируют Миллер и его последователи. Я думаю, что нельзя уповать на то, что дигорцы на протяжении тысячи лет тайком от иронцев бережно хранили эти термины, чтобы в XIII в. передать их не иронцам, а балкарцам, и одновременно сами все это забыли. Ясно, что в такой концепции концы с концами не сходятся.

На основе доклада У. Б. Алиева на упомянутой сессии ряд карачаевских ученых выступил в поддержку того, что аланы изначально были тюркоязычными. К сожалению, тогда у них фактов было далеко не достаточно, кроме констатации того, что слово *алан* есть искаженное тюркское слово *оглан* — «сын, потомок». Совершенно ясно, что на таком шатком предположении вряд ли возможно делать столь далеко идущие выводы.

Позднее эту точку зрения наиболее полно изложил Х.-А. И. Хаджилаев, опираясь на лексический материал. По мнению Хаджилаева, вся топонимика верховьев Кубани — Карачая — тюркская; жившие в Карачае аланы были тюрками; существовал особый и ранее неизвестный науке древнетюркский — аланский язык, «давший наименование аланскому союзу племен и неучтенный тюркологией» (терминология У. Б. Алиева); накопленный наукой материал по проблеме происхождения балкаро-карачаевцев изучен недостаточно, и «из сделанного не все можно принять всерьез». К последнему утверждению Хаджилаева вряд ли что можно добавить, его трудно опровергнуть.

С резкой критикой на работу Х.-А. И. Хаджилаева выступил в свое время В. А. Кузнецов, который полностью пытался реанимировать устаревшие взгляды Миллера—Абаева. Но поскольку вся работа Хаджилаева построена на опровержении именно взглядов Миллера — Абаева, Кузнецов ничего нового в этот спор не вносит. Пытаясь доказать ираноязычность жителей древнего Карачая, В. А. Кузнецов ссылается на так называемые глиняные курительницы в виде стаканчиков, которые считаются эталоном ираноязычных племен. Но ведь именно этих эталонов и нет в верховьях Кубани.

Далее, Кузнецов пытается доказать принадлежность так называемых наскальных гробниц верховьев Кубани аланам-иранцам. О несостоятельности этой точки

зрения мы уже писали неоднократно, а по мнению В. Б. Ковалевской, в этих гробницах хоронили своих усопших не столько иранцы-аланы, сколько тюрки-болгары.

В попытках отрицать научную значимость древнетюркских рунических надписей, в массовом количестве обнаруживаемых именно в наскальных гробницах Карачая, В. А. Кузнецов прибегает к весьма неудачному приему. Он пишет: «Если даже будет установлена принадлежность надписей, это отнюдь не будет доказывать, что погребенные в наскальных гробницах были тюркоязычными, ибо между погребенными и сделанными надписями далеко не всегда обязательна непосредственная связь. Дело в том,— продолжает Кузнецов,— что такие знаки в наскальных катакомбах (или гробницах.— *И. М.*) могли быть высечены не в эпоху раннего средневековья, а значительно позже». Следуя этой странной логике, нетрудно заподозрить, что вообще древние надписи могут быть делом рук первооткрывателей, а не древних жителей, скажем, надпись на Бехестунской скале, клинопись древних шумерийцев и т. д.

В своем споре В. А. Кузнецов счел нужным привести этимологию некоторых аланских имен. Он ссылается на мнение Г. Вернадского, что имя Саросий означает «Вождь асов». Но уместно спросить: чей же он вождь, если во всем северокавказском мире неизвестно имя «ас»? Почему же своим «именем» осетины до сих пор называют не себя, а балкарцев?

Кроме того, Кузнецов, если он объективно настроенный ученый, должен был учесть, что в статье Н. А. Аристова об этнических названиях древних тюрков насчитывается этноним с термином *сары* — «желтый» более тридцати раз! Почему бы не вспомнить этот факт при этимологии термина *Сары+ос*?

Имя аланского царя *Итаз* в первоисточнике — хронике Феофана — звучит как *Итаксий* или *Итаксай*. Р. И. Маркварт возводил его к персидскому слову *пидиахи* — «наместник», соотнося его с греческой формой *битаксий*. Но, как пишет И. С. Чичуров, это имя у первого переписчика Феофана, папского библиографа Анастасия (середина IX в.), передано как *Хиотакси* или *Хоктакси*, и что оно осталось без должного внимания всех исследователей, касавшихся этого имени. Если

учесть, что чуждый греческому языку звук *ч, ш*, они передавали как *кс*, то это имя будет звучать в действительности как *Хиотачи*, или *Хотачи*, а форма Итаксий или *Итаксай* как *Итачай*. Оставленный без внимания исследователей термин *Хиотачи* или *Хоктачи* имеет прозрачное тюркское значение, восходящее к слову *Хот/Гут* — «счастье», «благо», «благодать», «благополучие», «удача», «счастливый», «достойный», «величие». Любое из этих значений вполне подходит к имени аланского царя и предводителя.

Таким образом, становится очевидным, что приведенные Кузнецовым имена полностью легли на чашу весов Хаджилаева.

В поисках поддержки своим положениям В. А. Кузнецов ссылается на «Аланское приветствие» византийского поэта и писателя XI в. Иоана Цца, которое звучит на «верхнекубанском диалекте алан», т. е. на языке асов, которыми сами осетины называют не себя, а балкарцев.

Это приветствие для XI в. звучит более чем странно: «Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты? Тебе не стыдно, госпожа моя?» В оригинале здесь значатся 13 слов, из которых только два могут быть связаны с иранским языком, все остальные — это общетюркские слова типа: *хос* — «добрый»; *катын* — «госпожа»; *каитарыф* — «вернувшись»; *кординг* — «увидел»; *кинжа (генже)* — «молодая, молодуха»; *Фули (Вали)* — «правитель» и мн. др. Вряд ли после всего этого данное приветствие можно считать ираноязычным!

В своем споре Кузнецов полностью поддерживает весьма неудачные попытки В. И. Абаева, объясняющего термин *алан* как авестийское *аруана, ариан* и пр. Однако ученый скрыл от читателей то, что формант *йа* в Авесте выступает как словообразовательная частица в терминах, означающих реки, страны, горы: *Ниса + йа, Дайт + йа, Эрзиф + йа* и др. Исходя из этой закономерности, невозможно объяснить термин *арйа*, или *арйан*, как этноним *алан*, страна которых согласно авестийскому написанию должна была бы звучать как *алан + йа*, которую историко-географическая наука не знает. Вполне очевидно, что в Авесте имеются в виду не *алан + йа*, а *ар + йа*, т. е. народ или племя *ар*, чья история также не знает.

Весьма легкомысленной выглядит и другая попытка Абаева объяснить термин *алан* как название сказочных осетинских персонажей *аллон*. Во-первых, самоназвание осетин, а также и осетинские названия других народов образуются с помощью прибавления к корню слова форманта **-он**: *Ир+он*, *Дигор+он*, *Асс+он*, *Кашк+он* и т. п. Следовательно, и в сказочном термине осетин речь может идти только об этнониме *алл+он*, т. е. племени *Алл*, которых история не зафиксировала.

В то же время иранисты-осетиноведы преднамеренно «забывают», что термином *алан* карачаевцы и балкарцы до сих пор в своем быту обращаются друг к другу, к группе людей, понимающих их язык, в обращении супругов друг к другу в качестве понятия «сородич», «соплеменник» и т. п.

Кроме того, ни один из иранистов не вспоминает, что термин *алан* в переводе с тюркского означает «долина», «опушка», «равнина» и т. п. В виде этнонима этот термин бытует до сих пор среди алтайцев, туркмен, в виде *Аландан келген* — «Пришедшие с равнины»; *Салкын алан* — «Прохладная поляна» и др. Весьма уместно сказать и о том, что в V в. часть алан, именуемая *Керти алан* — «Истинные аланы», под предводительством хана Кандака перекочевала в Малую Азию в устье Дуная.

Несмотря на массу фактов о тюркском языке алан, В. Ф. Миллер в своей тенденциозности дошел до того, что утверждал: «...аланы (иранцы по Миллеру.— И. М.) научили тюрков-кочевников навыкам скотоводства». Но когда ему надо было объяснить тюркские термины в осетинском языке, обозначающие металлы, животных, птиц, плоды и пр., он ищет выход из своих противоречий, объявляя все это заимствованиями из урало-алтайских языков, будто бы карачаево-балкарский язык не имеет отношения к урало-алтайским!

Много ездивший по Балкарни и Карачаю вместе с Абаевым А. К. Боровков, характеризуя идеалистические тенденции Миллера, писал, что, по мнению последнего, «степняки-татары не только научились у осетин земледелию и скотоводству, но научились и каменному зодчеству, усвоили их духовную культуру, включая фонетические особенности языка... Ученый профессор,— продолжает Боровков,— никак не мог допустить, чтобы родственники «благородных» индоевропейцев могли что-

либо заимствовать у степняков-татар... Тенденциозность этой науки выпирает из каждой строки».

В западной и буржуазно-русской науке вообще, как писал в 1954 г. Г. А. Меликишвили, «обнаружение» индоевропейской правящей верхушки во всех индоевропейских древностях и древневосточных племенах и народностях сделалось одной из основных тем исторических исследований». В таком же состоянии оставались исследования по истории балкарского народа даже у таких крупных ученых, как Г.-Ю. Клапрот, В. Ф. Миллер и др. В плену этой концепции по сей день остается и В. И. Абаев со своими последователями. Однако при необходимости объяснить так называемые «осетинские» термины *кам*, *дан* они прибегают постоянно к помощи балкарского языка, но в то же время пишут, что «культурное и языковое влияние балкарцев на осетин в силу объективного состояния (? — И. М.) сил было и не могло не быть совершенно ничтожным». Но как объяснить наличие в осетинском языке таких общетюркских терминов: *каз* — «гусь», *тева* — «верблюд», *аркан* — «аркан», *берю* — «волк», *нанык* — «малина», *сокур* — «слепой» и т. п.? Ссылка на то, что «осетинский должен был соседствовать в прошлом с каким-то другим северотюркским языком», порождает вопрос — неужто с якутским?

В 1970 г., составляя «Русско-осетинский словарь», Абаев «забыл» включить в него термин «Балкария», «балкарцы». Такая «забывчивость», помешавшая отметить живущих в соседнем ущелье балкарцев, с которыми осетины имели почти двухтысячелетнее соседство и родство (а по народным преданиям дигорцев, они происходили от двух родных братьев), кроме всего прочего, попросту обкрадывает словарный фонд осетинского народа. Но еще более поражает другое. К словарю приложены административно-географические термины в осетинском звучании, но не нашлось места осетинскому названию Балкарии и Карачая — *Ассиаг* и *Стур Ассиаг*. Когда возникла необходимость назвать соседнюю республику — Кабардино-Балкарию, автор словаря именует ее на осетинский лад — *Касог-Балкар республика*, т. е. кабардинцев называет их осетинским именем *касаг/кашак*, а балкарцев почему-то называет их русским именем *балкар*. Вероятно, автор не хотел обнародовать, что усиленно приписываемый в литературе осети-

нам этноним *ас* сам осетинский народ испокон веков закрепил за балкарцами.

На сессии 1959 г. доклады Х. О. Лайпанова, Н. А. Баскакова, Л. И. Лаврова были посвящены доказательству половецкой гипотезы происхождения балкаро-карачаевцев. А выступление У. Б. Алиева было направлено как раз на отрицание близости карачаево-балкарского языка с языком кипчаков. Первые строили свою точку зрения на половецком словаре «Кодекс куманикус» XV в. и на неверно истолкованных сведениях арабского автора XIII в. Ибн-аль-Асира. Возражая им, Алиев писал, что кипчакский язык относится к «йокающему» диалекту тюркских языков, тогда как карачаево-балкарскому этот диалект не свойствен. В последние годы вообще отрицается принадлежность этого словаря к кипчакам (Р. Л. Дашкевич). Более того, карачаево-балкарскому языку присущ наиболее древний, «джокающий» диалект тюркского языка. Таким образом, становится очевидным, что карачаево-балкарцы не могли перейти с позднего диалекта («йокающего») на более ранний («джокающий»).

Используя сведения Ибн-аль-Асира, исследователи не всегда следуют последовательности описываемого им события. Говоря о походе монгол 20-х гг. XIII в. на Северный Кавказ, летописец отмечает, что часть кипчаков бежала в горы. Но в какие горы они бежали, то ли в горы Дагестана, то ли на Центральный Кавказ, то ли в Крым, исследователи не уточняют. А вот как все это описал сам Ибн-аль-Асир:

«Прошедши Дербенд ширванский, они (монголы.— И. М.) шли этими областями, а в них были многочисленные племена, в том числе аланы, лезгины и несколько тюркских племен. Они ограбили и умертвили много лезгин, которые были частью мусульмане, а частью неверные, и напали на других жителей той страны. И дошли до алан, а их много племен, и дошла туда весть о татарах. Они постарались и собрали у себя толпу кипчаков и сражались с ними, и не одолела одна сторона другой. Итак татары послали к кипчакам сказать: мы с вами один род, а эти аланы не из вас, чтобы вы помогали им, и вера их не похожа на вашу веру, и мы обещаем вам, что не коснемся вас и привезем к вам сколько хотите денег и одежд,— оставьте нас с ними. Итак, кипчаки оставили алан, и напали на алан татары

и убили их множество и ограбили и взяли в плен, и пошли на кипчаков, а те разошлись, считая себя безопасными по миру, произошедшему между ними. Они не успели услышать о татарах, как они пришли к ним, вступили в их земли и напали на них постепенно, и взяли от них в несколько раз больше того, что привезли к ним. **И те из кипчаков, которые были далеко, услышав эту весть, бежали без боя и удалились; одни спрятались в болотах, другие в горах, а некоторые ушли к Русским.** А следующая фраза летописца совершенно отклоняет возможность за этой землей, куда бежали кипчаки, видеть горы: **«И остановились татары в Кипчаке, а это земля богатая пастбищами зимою и летом; в ней есть места, прохладные летом, богатые пастбищами, и есть места, теплые зимою, богатые пастбищами. Это и есть степи на берегу моря. И пришли они к городу Судаку. Это главный город кипчаков. Прибыв к Судаку, татары овладели им, и жители расселялись: часть ушла в горы, со своими семействами и имением, а часть села в море и ушла в Малую Азию, находящуюся в руках мусульман из потомства Кылыдж-Арслана»,**— повествует Ибн-аль-Асир.

Рашид ад-Дин (1247—1318) — первый переводчик Асира — рассказывает об этом же эпизоде следующее: «Так как проход через Дербенд был невозможен, то они (монголы.— *И. М.*) послали Ширваншаху сказать: «Пришли нам несколько человек, чтобы нам заключить мирный договор». Он прислал 10 чел. из старейшин своего народа... Те из страха указали путь, и монголы прошли. Когда они пришли в область алан, а жители тамошние были многочисленны, то они (аланы.— *И. М.*) сообща с кипчаками сразились с войсками монголов. Никто из них не остался победителем. Тогда монголы дали знать кипчакам: «Мы и Вы — один народ (заметим, что у Асира написано «один род».— *И. М.*) и из одного племени, а аланы же чужие; мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, только предоставьте их (алан) нам. Они принесли много добра, кипчаки ушли обратно, и монголы одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части грабежа и убийства. **Кипчаки, полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по своим областям.** Монголы внезапно нагрянули на

них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали. Некоторые из кипчаков, оставшихся в живых, убежали в страну русских, а монголы зазимовали в этой стране, сплошь покрытой лугами. Оттуда они отправились в город Судак на берегу моря, соединяющегося с константинопольским проливом, и взяли тот город. Затем монголы двинулись на страну русских и на кипчаков, которые туда бежали».

Крупнейшие знатоки истории Золотой Орды Б. Греков и А. Якубовский поясняют, что «разбитые кипчаки покинули свои кочевья и двинулись на юго-восток Европы к кипчакам, кочующим между Волгой и Днпром, в надежде получить у них помощь. В погоне за ними татары дошли до Крыма, где захватили кипчакский город Судак». Рассказ Ибн-аль-Асира о взятии Судака и крымских областей кипчаков В. Тизенгаузен и А. Якубовский переводят следующим образом: «Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись: некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находилась в руках мусульман из рода Килидарслана».

Анализ сведений Асира показывает, что после первого столкновения с монголами на Северном Кавказе, кипчаки, которых «постарались и собрали аланы», доверившись заключенному договору, «разошлись, считая себя безопасными» (Асир), или «спокойно разошлись по своим областям» (Рашид ад-Дин). Сейчас довольно точно определены эти области, где проживали кипчаки в составе восьми объединений: Предкавказских, Крымских, Поволжских, Нижнедонских, Приазовских, Донецких, Приднепровских, Лукоморских (С. А. Плетнева).

Можно полагать, что именно предкавказские кипчаки, восточные границы которых определены не далее как левобережье верховьев Кубани и Подкумка, выступили в союзе с аланами, а затем «спокойно разошлись по своим областям». И лишь после второго погрома и взятия Судака кипчаки бежали кто в горы Крыма, кто по Черному морю. Услышав эти вести, «кипчаки, жившие в дали», вероятно, придонские, приднепровские, приазовские и пр., бежали в земли русских.

Таким образом, становится понятным, что в сообщениях Ибн-аль-Асира нет сведений о бегстве кипчаков.

в горы Северного Кавказа, а следовательно, этот источник не может так прямолинейно использоваться для подтверждения половецкой гипотезы происхождения балкарцев.

§ 3. Происхождение балкарского народа

Предками балкарцев были древнейшие кавказские племена, смешавшиеся с самыми первыми скотоводами-овцеводами, ведущими подвижный кочевой образ жизни в степях Евразии. Этот контакт состоялся впервые в конце IV тыс. до н. э. Это и был древнейший кавказский субстрат в процессе этногенеза балкарцев.

Древнейшие овцеводческие племена, проникавшие на Кавказ, представляли первейшую основу пратюркских племен. Для них был характерен курганный обряд захоронения. Умерших укладывали в деревянные могилы-срубы, дно их покрывали войлоком, травой или кустарником. Этот обряд захоронения древние пратюрки — носители так называемой ямной археологической культуры — занесли в Закавказье, Переднюю и Малую Азии, где смешались с носителями древнейших земледельческих культур.

Потомками древних ямников были тюркские племена — скифы, именовавшиеся *Ас-киши* (*Ашкузы*). По всем современным научным данным, это был древнейший и первый этап формирования балкарцев, как древнейших обитателей Кавказа, хронологически это уходит в глубину веков где-то на 5—6 тысяч лет.

Потомки скифов — аланы, болгары, гунно-сарматы — являлись вторым слагаемым компонентом в изучаемом нами процессе этногенеза балкарцев.

Огромную роль в этом процессе сыграли аланы, о чем мы пытались рассказать выше. Теперь необходимо наиболее полно осветить степень участия древних болгар в этногенезе балкарцев.

О болгарях — предках балкарцев. Как уже отмечалось, гипотезу о болгарском происхождении балкарцев поддерживают многие видные специалисты. Для этого имеются и достаточные сведения древних письменных документов. Так, сирийский историк III в. Мар Аббас Котина, ссылаясь на армянского автора Бардасена, писал, что во времена царя Аршака I (127—114 гг. до н. э.)

«возникли смуты в цепи великой кавказской горы в земле Булгаров, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю...».

В первой половине VI в. Захарий Ритор (сирийский автор) на западе от Дербента, рядом с аланами, помещает болгар. В «Армянской географии» VII в. «на Кубани и южнее» размещены четыре болгарских племени.

В X в. хазарский царь Иосиф на юге своей страны, в приграничье с Грузией, указывает на племя *бл-г-р, Тулас*, которых ученые считают предками балкарского народа.

В XII в. становится известным этногенетическое предание о происхождении хазар и болгар от трех братьев-эпонимов, двое из которых «пришли в страну алан, называемую Барсилней». Это предание трудно не сопоставить с преданием балкарцев и дигорцев о том, что они произошли от двух родных братьев — Басиат и Бадинат.

Все эти факты подкрепляются сведениями Прокопия Кесарийского (VI в.), что предки болгар — гунны в этот период обитали в Дарьяльском ущелье и руководил ими тогда некий богатырь Амбазук (*Эмбазыкъ* — «Наитолстый», «Наимощный»).

Данные языка. Доклад А. Х. Соттаева на сессии 1959 г., раскрывший разительные болгаро-балкарские лексические сходжения, в наши дни принят многими учеными. Плодотворные работы С. Я. Байчорова по выявлению, дешифровке и историко-лингвистическому анализу древнеболгарских надписей основательно доказывают генетическое родство и преемственность карачаево-балкарского языка с древнеболгарским. Кроме всего этого, балкарцы сохранили как самоназвание имя древних болгар (болкар) — *балкар*.

Антропология. Видный антрополог академик В. П. Алексеев признавал, что древние болгары отличались теми же особенностями, которые выражены и в современных типах балкаро-карачаевцев. Чрезвычайную близость антропологических типов современных болгар и балкарцев подкрепляют и исследования болгарских антропологов, например, Ц. Кристанова, который в 30-х гг. проживал в Кабардино-Балкарии. Он и в годы войны занимался антропологией тюркских народов Средней Азии. Он обследовал более 2000 балкарцев и

карачаевцев — мужчин, женщин, детей и стариков — и установил их безусловную близость к дунайским болгарам.

Археология. Среди археологического материала типично болгарскими принято считать глиняные котлы с внутренними ушками (ручками). Впервые на это обратил внимание В. А. Кузнецов, его поддержали многие другие археологи. В последнее время все большее звучание и признание получает мнение, что так называемые паскальные гробницы, или склепы, принадлежали болгарам (В. Б. Ковалевская и др.). Распространение древнетюркских рунических надписей говорит о массовом расселении тюрков-болгар в верховьях рек Уруп, Кыфар, Узун-кол, на городищах Гиляч, Адиюх и др. Обнаружена масса глиняных котлов с внутренними ушками и их фрагментов на поселениях у сел. Лашкута, Нижний Чегем, Индыш, Аргудан, на горе Муртаз у сел. Аргудан и т. д. Во всех этих памятниках и прилегающих к ним могильниках обнаружены типично болгарские погребения в земляных (грунтовых) ямах в деревянных колодах, или составных гробовищах.

Этнотопонимы в процессе изучения этногенеза играют огромную роль. Известно, что самоназваниями-этнонимами являлись многие термины: «люди», «человек», «настоящие люди», противопоставляя понятия «мы» и «они». Для древнетюркских племен этими самоназваниями стали понятия *киши*, *эр* — «мужчина; человек, люди». В зависимости от географического места обитания к этим понятиям прибавлялись слова: «горы», «реки» и т. п., например: *Алтай-киши*, *Чу-киши*, *Ас-киши* и др. Анализируя значение этнонимов, всегда надо иметь в виду тот факт, что терминами «человек», «настоящие люди» никто не называл бы людей иноплеменников, противопоставляя их своим сородичам, не оставив эти термины для своего племени.

Для изменения самоназвания не обязательно, чтобы изменился сам этнический объект — народ или племя, он может измениться в результате изменения окружающих племен или народов. В связи с этим важным замечанием выдающихся этнографов весьма примечательно, что все соседние народы за балкарцами сохранили их древнейшие этнонимы: *Асы*, *Аланы*, *Болкар*, *Сабир*, *Азухо*, *Ассон*, *Басиани* и т. п. Столь же огромную роль в изучении этногенеза балкарского народа имеют топо-

гидронимы, в которых сохранены древнейшие имена древнетюркских племен. Достаточно назвать такие топонимы, как *Башил (Басил), Басмалы-кол, Ас-кала, Аландорбун, Гунн-тала, Хазар-кала, Чамас, Быллым, Гюдюргю, Биттургу* и мн. др., в которых очевидны имена *асов, алан, хазар, болгар, базилов, предков болгар — кутургуров и утигуров.*

Приведенные факты свидетельствуют о том, что древние болгары являлись одним из существенных компонентов в процессе этногенеза балкарцев.

§ 4. Традиционная культура, идеологические воззрения и фольклор об этногенезе балкарцев

Этнографический материал является бесценным источником для изучения сложного этногенетического процесса в истории любого народа. В этом материале наиболее отчетливо отражается участие различных племен. На фоне этого материала более красочно звучат данные других смежных наук: истории, языка, археологии, антропологии.

Особого внимания заслуживают такие элементы традиционной культуры, которые не встречаются у соседних народов. Прежде всего начнем с **материальной культуры** балкарского народа.

Балкарцы и карачаевцы называют свои поселения термином *Эль* и *Журт*, которые бытуют у многих тюркских народов в форме *Иль, Аль, Аил, Аул, Юрт* и т. п. Большую научную информацию содержат балкаро-карачаевские жилища и усадьбы. Прежде всего бросаются в глаза так называемые «крытые дворы», в которых все хозяйственные и жилые постройки были объединены общей кровлей. Эта особенность отличает культуру балкаро-карачаевцев от культуры соседних народов и одновременно сближает с народами Поволжья, Алтая и др. К таким же особенностям относятся жилища-срубы, которые возводили в Карачае и Балкарии. Восточнее Баксанского и Чегемского ущелий подобные постройки неизвестны. Поиски аналогий срубным постройкам балкаро-карачаевцев уводят нас в глубь истории Центрального Кавказа, где они встречались в конце II тыс. до н. э. и в эпоху гуннов.

Интересные этногенетические наблюдения можно сделать при анализе балкаро-карачаевской одежды.

Верхняя плечевая одежда их изготавливалась из шерсти, кожи, меха, шкур, которые широко использовались и у многих других скотоводческих народов.

Как и у многих тюркских народов — болгар, чувашей, татар, башкир, казахов, киргизов и др., излюбленным украшением верхней плечевой одежды балкарцев являлась меховая оторочка по вороту, подолу, рукавам наподобие рубашки и кафтана XIV в. из могильника Байрым в Верхнем Чегеме.

Большую популярность у тюркских народов издревле, еще с эпохи ямной культуры IV тыс. до н. э., имел войлок — *кийиз*, из которого изготавливались разукрашенные и аппликативные ковры, головные уборы, плащ-накидки и пр. Одним из интересных головных уборов народов Кавказа является *башлыкъ*, название которого с тюркского означает «наголовник». По мнению В. Ф. Миллера, он напоминает древнюю форму одежды сарматских племен, описанную Плинием. Здесь уместно отметить, что в 1896 г. участник экспедиции В. М. Сысоева по Карачаю А. Н. Дьячков-Тарасов на берегу р. Теберды обнаружил каменную статую половецкого типа. На плечи истукана было накинуто что-то вроде капюшона — башлыка из материи с крестообразными рисунками и каймой, привесками и лапками, перекинутыми вокруг шеи.

Башлык близко напоминает формы головных уборов, покрывающих плечи на скифских изваяниях прикубанского типа, а также на изваяниях в горах Тянь-Шаня и окрестностей Иссык-Куля. Другая разновидность войлочных головных уборов — это шляпы *кълпакъ* и карачаевский *кийиз-бёрк*, различные формы которых известны и бытуют у чувашей, киргизов, алтайцев, древних болгар и др.

Балкарские женщины носили туникообразную рубаху со стоячим воротом и разрезом на груди. Этот тип рубахи является неотъемлемой частью женской одежды чувашей, башкир, казахов, туркмен, а происхождение этого типа исследователи связывают с древними болгарями. Повседневным элементом одежды балкарской женщины является наплечный платок-плед (*жаурукъ*), широко распространенный под этим же именем у татар, казахов, болгар и других тюркских народов. Многие виды балкаро-карачаевской одежды — *бешмет*, *чебкен*, *гебенек* («плащ-накидка чабанов»), *аркълыкъ* и др. —

были широко распространены у многих тюркских народов Алтая, Средней Азии, Поволжья, Казахстана, Кавказа. Бытующие у многих тюрков островерхие конической формы головные уборы в раннем средневековье были характерны для тюрков Западного каганата VIII—IX вв. Позднее они стали неотъемлемой деталью одежды башкир, ногайцев, татар и др.

Хорошо известно, что черкеска кавказских народов украшалась небольшими кармашками по обеим сторонам груди. В мелкие отделения этих кармашков вставлялись так называемые теперь «газыри» — небольшие деревянные, костяные или серебряные трубочки, куда раньше закладывались готовые заряды. С появлением пятизарядной винтовки они превратились в простые украшения, но за ними сохранилось тюркское древнее название *хазыр* — «готовый».

Одним из основных промыслов балкаро-карачаевцев было домашнее ткачество. Домашние сукна пользовались большим спросом на кавказских рынках в Грузии. По словам Н. П. Тульчинского, балкарскую женщину невозможно было увидеть без веретена, с которым она не расставалась ни при беседах с соседками, ни даже по пути в соседний аул. «Встретить женщину без этих атрибутов, значит — или она больна, или очень бедна», — писал Тульчинский. Эта характеристика балкарской женщины буквально повторяет слова Приска о гуннских женщинах, «которые никогда не покидают своего веретена».

Не менее важный материал для освещения проблемы этногенеза балкарцев можно почерпнуть из состава блюд традиционной кухни. Поскольку основным занятием балкарцев было скотоводство, то мясо-молочная пища занимала ведущее место. Повседневной молочной пищей балкарцев, алтайцев, туркмен, казахов, узбеков, ногайцев, хакасов, башкир, кумыков и других народов являются различные виды кислого, заквашенного молока *айрана*, сыров и *кумыса*. По словам скифского мудреца Анахарсиса, повседневной пищей скифов также были сыры, айран и кумыс. Кумыс широко бытовал и у гуннов в I в. Популярную разновидность айрана — *жууурт-айран* упоминает в 1256 г. Гильом Рубрук.

Как известно, Аммиан Марцеллин, автор IV в., описывая быт и культуру гуннов, говорит, что они «мясо кладут под бедра на седле и парят его», и питаются

этим мясом. Безусловно, автор таких слов не мог понять, что это было вяленое на солище мясо, притороченное к седлу кочевника вместе с бурдюком с айраном, кумысом, сыром и другими продуктами. Ныне такое мясо употребляют многие народы Северного Кавказа.

Отличительной особенностью мясных блюд балкарцев является *жёрме* — тип свежей колбасы из внутреннего жира, завернутого в кусочек рубца. Из различных видов шашлыков (*ишиш* — «вертел», отсюда и название *ишишлик* — «навертельник») особо следует отметить *тёш*. При обрядовом разделе туши овцы или барана дядя по матери вырезал из грудной части туши кусочек мяса вместе со шкурой, зажаривал его и преподносил тому, в честь кого совершено данное жертвоприношение. Изысканным деликатесом среди мясных блюд балкарцев является шашлык из свежей печени, зажаренной в собственном внутреннем жиру животного — *жалбауур*.

Тёш, *жалбауур*, *жёрме* хорошо известны и характерны для мясной пищи многих тюрков. У алтайцев жерме звучит *дьоргем*, происходящее от тюркского слова *жёрме*, *чёрге* — «обматывать», «заворачивать» и др. Большой популярностью у тюрков пользуется колбаса из свежих внутренностей — печени, почек, легких молодого жеребенка — *къазы*. Подобная колбаса из печени называлась *сохта*.

Все перечисленные мясные блюда до сих пор широко бытуют у тюркских народов Алтая, Казахстана, Средней Азии, Поволжья, Кавказа.

Этнической особенностью балкарской кухни являются изделия из ячменной муки. Ячменные хлеба, которые балкарцы пекли в золе, отмечал еще французский путешественник Абри де ла Мотрэ (1711 г.). Его сведения принципиально важны для нашей темы. Он писал, что, следуя по очень крутым горам, они добрались до деревни, жители которой живут в срубленных домах из больших бревен, понимают язык ногайцев, татар, турок, пьют и почитают бузу и айран, кушают конину, пекут лепешки в золе, именуются горскими черкесами.

Большую этногенетическую информацию можно получить из слов Плиния (I в.), который писал, что некоторые сарматские племена питаются «сырой мукой, примешивая к ней кобылье молоко...». Автор, конечно, не мог знать, что широко было распространено у тюрк-

ских племен поджаривание зерен и изготовление из них так называемой муки — *кѣууут*, готовой к употреблению с айраном, кумысом, маслом, сливками и т. д. Столь же важны слова Плиния о том, что некоторые кочевые племена питаются «белой кашицей из ячной муки». Этой белой кашицей могла быть каша, или мамалыга, — как, широко бытовавшая в балкаро-карачаевской кухне.

Исследования показывают, что, вобрав в себя основные комплексы материальной культуры кочевников евразийских степей, предки балкарцев, попав в условия горного Кавказа еще в IV тыс. до н. э., вовсе не утратили специфических особенностей своей традиционной культуры, а, наоборот, в новых условиях развивали их, приспособляясь к новым условиям и окружающей среде. Таким образом, они создали специфическую и самобытную этническую культуру, вобравшую в себя наследие скифов, сарматов, гуннов, болгар, алан и др.

Теперь рассмотрим **данные духовной культуры.**

Идеологические воззрения народа всегда содержат определенную долю исторической информации об этногенетическом процессе. Передаваясь из поколения в поколение, мировоззрение людей дополняется новыми элементами, напластованиями, продиктованными различными историческими эпохами и событиями. Но тщательный анализ материала всегда позволяет отыскать первоначальное ядро обряда, обычая, поверья, будь то изначально мифического или исторического происхождения.

В предлагаемой работе не рассматривается весь комплекс духовной культуры балкарцев, а используются только те элементы, которые не встречаются у соседних народов, но одновременно находят глубокие параллели, связи, скрещения с идеологическими воззрениями древнетюркских племен и современных тюркских народов. С этих позиций большой интерес представляет верховное божество балкарцев — *Уллу Тейри* («Великий Тейри»), который не фиксируется в мировоззрениях соседних кавказских народов. По представлениям карачаево-балкарцев, Тейри — это владыка и повелитель богов, он руководит всем ходом жизни, дает счастье, посылает беды, обеспечивает богатый урожай, хороший приплод скота и т. п. От имени Великого Тейри, олицетворяющего собой дух неба и солнца, происходит балкаро-карачаев-

ское название небесной радуги: *Тейри Къылыч*, т. е. «Меч Тейри» — все карающий и всему благоденствующий, все оберегающий.

Исторический анализ роли и места Тейри в балкарском мировоззрении уводит в далекий древнетюркский мир, где он, как дух неба и культ солнца, описывается в китайских источниках. Под «Духом неба» китайские авторы понимали *Кок-Тенгри* («Голубое небо»), зафиксированный в Орхоно-Енисейских древнетюркских надписях VIII в. «Вначале было наверху голубое небо, а внизу темная земля; появились между ними сыны человечества», — повествуют древние сказания. Описывая жизнь и быт тюрков-сабир VI—VII вв., обитавших на Северном Кавказе, Моисей Каганкатвацци неоднократно подчеркивал, что среди множества божеств Тенгри наиболее почитаемым был Тенгри-хан — чудовищный громадный герой, бог неба и света. Ему посвящали деревья (дубы), строили капища, приносили в жертву коней, кровь которых поливали вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучья. Согласно сообщениям средневековых авторов, недалеко от столицы гуннов в Северном Дагестане — Варачане стоял огромный дуб, представляющий материализацию идеи Тенгри. «Князь и дворяне, — пишет Моисей, — почитали его спасителем богов, жизнеподателем и дарователем всех благ». Помимо главной рощи, находящейся вблизи Варачана, в стране гуннов были и другие рощи и святилища, посвященные этому божеству. К этому дереву и в рощи собирались по средам, развешивали на деревья разные плоды, поклонялись им и приносили им различные жертвы.

В связи с преклонением древних гуннов-сабириков перед Тенгри/Тейри в образе дерева небезынтересно отметить дерево *Раубазы*, которое росло в Верхней Балкарии у аула Шаурдат. Этой дикой груше поклонялись, ей приносили жертвы, «угощали» ее пирогами, просили ее, чтобы она бездетным дала детей, пастухам и чабанам — хороший приплод скота, земледельцу — богатый урожай и т. п. Даже в 50-е гг. XX в. автору этих строк не раз приходилось видеть щепочки Раубазы, бережно хранящиеся в сундуках балкарцев-старожилов в далеких от родных мест аулах Средней Азии. Такой же реликвией и божеством считалась одинокая сосна у аула Хурзук в Карачае *Джангыз терек*. Это была «довольно

большая корявая сосна,— пишет В. М. Сысоев в конце XIX в.,— одиноко стоявшая среди голой равнины между Хурзуком и Учкуланом по правую сторону р. Хурзук...».

Кроме этих деревьев, почитавшихся всем народом, были еще и отдельные родовые деревья, почитавшиеся отдельными патронимиями. Так, например, в Карачае фамилия Чотчаевых почитала одно дерево, с которым связана интереснейшая этнографическая подробность. Родоначальник их женился на кабардинке и привез ее домой. По пути домой, во время отдыха под этим священным для Чотчаевых деревом, они стали есть мясо. При этом хозяин взял себе лопатку, которая по обычаю полагалась старшему. За эту олошность старшая свиты сделала ему замечание. И в самом деле, в эпическом сказании тюркских народов «Огуз-наме» сказано, что лопатка жертвенного животного (овцы или барана) полагалась самому почетному из присутствующих на тризне. Правая лопатка предназначалась самому почетному, левая немного уступала по рангу. Выдающиеся культурологи XIX в. Э. Тейлор, Дж. Леббок и другие однозначно приписывали зарождение этого обычая древним тюркским народам. А в археологических памятниках Балкарии известны отлитые в бронзе бараньи лопатки XII в. до н. э., которые использовались гадалками, предсказателями, шаманами и т. п.

Молодой жених исправил свою ошибку и подал лопатку самому старшему, тот съел мясо, а лопатку повесил на верх дерева. Жена молодого человека родила ему впоследствии шестерых сыновей. Этот случай послужил поводом тому, что щепки того дерева свято хранились в каждой семье фамилии Чотчаевых.

У многих тюркских народов считается, что определенные деревья делают плодовитыми и женщин, и скот. Так, например, у киргизов бесплодные женщины катаются по земле под одинокой яблоней, некоторые волжские племена, как и древние гунны, приносят деревьям жертвы, а шкуры жертвенных животных развешивают на ветвях. В канун Рождества многие югославские и болгарские крестьяне замахиваются топором на бесплодное фруктовое дерево, а стоящий рядом человек вступает за это дерево со словами: «Не срубай его! Оно скоро будет плодоносить!» Трижды заносился топор и трижды отводился. После этого считалось, что дерево

на следующий год обязательно должно плодоносить. Веру в чудодейственную силу дерева отмечал в 765 г. у дунайских болгар средневековый автор Феофан.

Как отмечалось, балкарцы и карачаевцы имя Тейри приписывали небесной радуге — *Тейри кзылыч*, т. е. «Меч Тейри». Этот момент удивительно перекликается с легендой древних гуннов, переданной в 449 г. послом Рима в ставку Аттилы. Согласно этой легенде, некий пастух-гунн долго не мог понять причину ранения ноги у одной из своих телок. Выслеживая ее по кровавым следам, он натолкнулся на великолепный, сверкающий на солнце меч и принес его своему повелителю Аттиле. Тот принял «небесный дар» для покорения мира и стал его владыкой. Римские авторы называли этот меч мечом Марса, а гунны стали называть *Тейри кзылыч*, с которым балкарцы и карачаевцы отождествляли небесную радугу.

Древнетюркское божество Тенгри/Тейри Дж. Фрезер отождествлял с величайшим из греческих богов — Зевсом. Тому и другому посвящались отдельные деревья, рощи, оба были богами неба, грома, дождя и т. д.

Пораженные молнией места, а также и люди, очень почитались у тюркских народов. На этих местах устанавливались знаки, здесь приносили жертвы и пр. Ибн-Фодлан писал в 922 г. о болгарях: «Если ударит молния, они не приближаются к нему (к пораженному) и оставляют все как есть на месте. Болгары, гагаузы, чувашаи, алтайцы, кумыки и другие тюркские народы совершают различные магические обряды при первой в году молнии. Как и балкаро-карачаевцы, многие тюркские народы зажигают при этом большие костры, прыгают через огонь, устраивают игры и пр.

В 80-х гг. XIX в. В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский отмечали в сел. Верхний Чегем святилище, куда собирались люди петь магическую песню — *Чоппа*, которую обычно воспевали вокруг человека, пораженного молнией. В Карачае подобные святилища назывались *Чоппаны ташы* («Камень Чоппа»). Вокруг них кружились, пели песни, приносили жертвы, резали козлят, именуемых «Козленком Чоппа».

Среди ведущих языческих амулетов тюрко-кочевников VII—IX вв. являются амулеты, связанные с культом Тенгри,— это круг с четырьмя прямыми лучами, «представляющий собой один из вариантов очень рас-

пространенной в древности символической фигуры огня-солнца-креста в круге» (С. А. Плетнева). Этот древний символ огня-солнца является одним из излюбленных мотивов в балкаро-карачаевском народном орнаменте на войлочных коврах — *кийизах*, гульях головных уборов — папахах, войлочных шляпах, на башлыках и погребальных платьях средневековья. Большое количество отмеченных образцов амулетов можно видеть в археологическом материале из памятников Балкарнии и Карачая. Характерен круг с перекрещивающимися четырьмя лучами на сюжете наскальных изображений XVI—XVII вв. в верховьях р. Тызыл в Баксанском ущелье. С магическим изображением подобного амулета у балкарцев связана одна из древнейших клятв, отмеченная М. М. Ковалевским в 80-х гг. XIX в. в Верхнем Чегеме: «Начертят круг острием палки на земле, затем в нем крест-накрест две линии, становятся в центр круга и произносят присягу. Это называется у них Къач». Это же изображение наносилось на двери, стены, опорные столбы домов в знак особого благодарения Тейри.

Культ диких животных и культ камня у балкарцев символически сочетался в так называемом *Абсаты-таш* («Камень Абсаты»), представлявшим собой монолитную стелу высотой около 4 м. Она была найдена в 1959 г. в дремучем лесу в Чегемском ущелье. Стела изображала какое-то дикое животное, верхняя часть ее сейчас сохранилась и стоит во дворе Краеведческого музея г. Нальчика. Поскольку Абсаты — это балкаро-карачаевское божество охоты, покровитель диких животных, постольку представляет и большой интерес место его обнаружения — дремучий лес. Перед отправкой на охоту этому камню поклонялись, просили у него удачи, оставляли в залог одну из своих стрел, а на обратном пути приносили ему определенную долю дичи.

Культ камня отражен и в названиях многих ритуальных камней: *Налат-таш* («Камень позора»), *Къарын-дашла-таш* («Камень братьев»), *Къарачайны къадау ташы* («Замковый камень Карачая») и т. д.

Широко был распространен у балкарцев и культ коня. Черепа лошадей очень часто можно видеть на изгородях пастушеских стоянок, на заборах крестьянских подворий. Они служили оберегами. В 1965 г. нам неоднократно приходилось видеть высохшие черепа лошадей, прикрепленные к центральным опорным стол-

бам старинных карачаево-балкарских домов. Поскольку центральный столб олицетворял незыблемость и нерушимость семьи и рода, то подвешивание черепа лошади на этих именно столбах приобретает особый символический смысл. У балкарцев бытует поверье, что нельзя бить коня по голове, что голова коня — это солнце и т. п.

У балкарцев в прошлом бытовал и культ быка. Так, например, в нартском эпосе говорится о том, что однажды герой Карашауай встретил пастуха, стерегущего всеми любимого огромного быка в «64 обхвата» размерами. Ежегодно нарты устраивали около этого быка различные ритуальные игрища, жертвоприношения, ристалища и пр. В связи с этим культом необходимо привести одну интересную этнографическую подробность. У крымских болгар в сел. Карачоле, название которого удивительно совпадает с этнонимом карачаевцев, приведенным в 1654 г. А. Ламберти в форме «Карачиоле», жили греко-болгары, которые «сохранили болгарский язык, костюм и быт», — пишет этнограф Фонберг. Здесь 21 мая, в день древнего земледельческого праздника, торжественно приносили в часовню иконы святых Константина и Елены, а затем обратно уносили к роднику, где эти иконы постоянно стояли. На рассвете этого дня к источнику собирались жители из Карачоле и других селений и пригоняли пожертвованный скот. Самой главной и почетной жертвой был бык с «золочеными рогами». К этому быку выходил почтенный старец из часовни и, шепча на ухо быка заклинание, закалывал его, горячей кровью мазал себе лоб и щеки. Затем мясо быка варили, угощались, танцевали, устраивали хорыводы и игры.

Удивительно идентичный обряд бытовал в прошлом у балкарцев. По сведениям М. М. Ковалевского и В. Ф. Миллера, в Верхнем Чегеме, на правом берегу речки Жыглы-суу, стоял каменный домик — Нартжия. «При этом домике держали быка на общественных началах и обильно кормили его всем аулом до дня весеннего праздника — начала полевых работ. В этот день выводили этого быка и гадали об урожае: если он мычит, опустив голову, значит, урожай ожидается на нижних полях, а если мычит, подняв голову, то хороший урожай будет на верхних полях. Затем быка резали и устраивали жертвенный пир. Каждая семья к этому дню

печет пироги-хичины и несет к указанному домику».

В описании путешествия по Балкарии М. М. Ковалевский рассказывает об одном интересном случае. В сел. Былым во время раскопок средневековых склепов «балкарцы, копавшие склепы, неожиданно увидели пробежавшего зайца, и, побросав лопаты, бросились ловить его. Поймали, погладили и отпустили». Выдающийся знаток законов и обычаев кавказских народов не нашел ничего подобного у соседних народов и сравнил эту игру с известным сюжетом из геродотовского рассказа о скифо-персидской войне. На глазах у огромной армии Дария скифы перед сражением увлеклись поимкой пробежавшего мимо них зайца. Дарий, собрав своих предсказателей, предводителей армии, спросил, что бы это могло означать? Те ответили ему, что скифы, видимо, совершенно их не боятся и не придают особого значения предстоящей битве. Тогда Дарий ночью тихо собрал свою армию и отступил без боя.

Скифо-балкарский эпизод игры напоминает сюжет из нартского эпоса о герое Рачикау, в котором говорится, как из-под копыт скачущего коня выскакивают зайцы. Такая деталь в сказаниях соседних героев не встречается, но зато в скифских археологических памятниках очень часты находки с изображениями зайцев вокруг скачущих всадников.

Общим для многих тюркских племен и народов являются поверья в различные магические существа: *Суу анасы* («Мать воды»), *Жер иеси* («Хозяин места, земли»), поверья в оборотней Алмасты. В представлениях балкарцев эти существа владеют водой, землей, охраняют отдельные участки и т. п. Оборотни-обуры и ведьмы всячески вредят людям, превращаются в различных животных, чтобы заманить людей в западню и т. д. Оборотни-ведьмы напоминают легенду о происхождении гуннов от неких оборотней-обуров, которую сами гунны рассказывали Приску.

Таков в основном научный потенциал духовной культуры при анализе процесса этногенеза балкаро-карачаевцев.

Некоторые фольклорные сюжеты об этногенезе балкарцев. В истории этногенеза любого народа большую роль играет фольклор. Воспоминания народа не бывают случайными, беспричинными. В народной памяти обыкновенно надолго удерживаются события, которые кос-

нулись всего народа, в которых весь народ принял участие, и через это участие впервые почувствовал себя единым целым. В истории младописьменных народов эта народная память приобретает первостепенное значение, т. к. нет письменных свидетельств о процессе их этногенеза.

Исследователи эпических сказаний единодушны в том, что сходство эпоса тюркских народов объясняется тем, что степные скотоводческие племена евразийских степей общались между собой в течение многих веков, сходство было связано с созданием и распадом целого ряда племенных объединений и конгломератов.

При сравнении фольклорного материала с данными истории и других научных дисциплин отслаиваются различные напластования позднейших эпох на первоначальное ядро или сюжет фольклорного произведения. После «очистки» от подобного рода наслоений всегда есть возможность обнажить истоки или ранние сюжеты фольклора, которые могут стать в руках исследователей важным источником в раскрытии интересных вопросов этнической истории народа.

В эпической памяти балкарского народа сохранилось содержательное предание о том, как был заселен их край и образовалась *Малкъар эл*, т. е. «Балкарское общество». Суть предания сводится к следующему: «Когда-то в незапамятные времена в ущелье Балкарии пробрался один охотник по имени Малкъар, человек неизвестного происхождения, и застал там на одной поляне поселок из нескольких дворов, жители которого называли себя таулу (горцы)... Малкъару эта местность понравилась, и он решил навсегда остаться там, переселив туда и свой род. Старожилам это не особенно понравилось, поэтому Малкъар поселился на другой поляне, и оба рода жили спокойно, размножаясь... Однажды сюда же является неизвестный человек по имени Мисака и останавливается в гостях у Малкъаровых, которых к тому времени было 9 братьев и единственная сестра-красавица и умница... Мисака, поправ гостеприимство братьев, злодейски их убивает и овладевает их богатством и сестрой... Затем он привел туда своих людей и начал притеснять мирных тружеников таулу, которые в конце концов превратились в его подвластных. Потомки Мисака теперь носят имя Мисака (или фамилию Мисаковы)... Через некоторое время в эти

места являются два брата — Басиат и Бадинат. От Басиата пошли балкарские таубии (т. е. горские князья), а от Бадината дигорские феодалы...»

Несомненно, память народа охватывает определенные события из жизни и на протяжении многих эпох дополняет их сюжетами последующих времен. Многие имена могут перемещаться вместе с событиями, а вполне возможно, что одно и то же событие может быть приписано нескольким персонажам. Таким образом, первоначальное зерно может оказаться скрытым под многовековым фольклорным напластованием.

Но в данном случае важно, что вновь образовавшееся общество стало называться *Балкар*, или *Малкъар*, по имени человека, впервые проникшего на место обитания местных горцев.

Такова основа предания, на которую позднее отложился сюжет о пришельце и поработителе — *Мисаке*, прежде жившем где-то на «кумыкской равнине в Дагестане». Завершается предание сюжетом о двух родных братьях — родоначальниках балкарских и дигорских князей.

Сюжет о том, что некий охотник, будучи на охоте, в погоне за дичью, особенно за оленем, открывает ранее неизвестные земли, очень распространен в балкарско-карачаевском фольклоре. Так, например, карачаевский герой Боташ, преследуя оленя, открыл для себя новые земли в долине Кубани и Теберды, а нартский герой Ёрюзмек однажды, преследуя белого оленя, открыл неведомый ранее замок — Белую крепость.

Проанализировав фольклорное наследие балкарцев, исследователь не может не обратить внимания на следующие факты.

1. Предания об охотнике Малкъар, Боташ, нартском герое Ёрюзмеке, открывших для себя новые земли, замки, крепости в погоне за оленями, удивительно созвучны с легендой гуннов о том, что дорогу через Азовское море в Европу они открыли, преследуя на охоте оленей.

2. В имени *Малкар* сохранился этноним балкарцев, а в имени *Мисака*, жившего на дагестанской равнине, отражено имя гуннов — масаха.

3. В упоминавшейся «Белой крепости», к которой привела Ёрюзмек белая лань, скрыто название хазарской «Белой крепости» — *Сары къала* (Саркел).

1 Имя *Басиат* связано с этнонимом хазарского племени *баси*.

Одна из древнетюркских легенд повествует о том, что когда-то род тюрков был полностью истреблен, остался лишь один мальчик, которого враги, отрубив руки и ноги, выбросили в реку. Его выловила одинокая волчица и в пещерах Алтая родила от него 10 сыновей. По истечении времени род волчицы — *Ашин/Асян* разросся и вышел с гор на плоскость.

Китайские источники говорят, что «пещера» эта находится в центре Алтайских гор: «В горах есть пещера, а в пещере есть равнина, поросшая густою травой на несколько сот ли окружностью. Со всех сторон пещеры лежат горы». Весьма интересно, что типичная горная котловина или долина в фольклорном преобразовании названа «пещерой», из которой распространился древнетюркский род.

Память о единственном, оставшемся в живых тюркском мальчике сохранилась в балкарской поговорке. Когда они хотят подчеркнуть глубокую древность, глубь веков и пр., то именуют это понятие *Къалыу бала*, *Къалыуу баладан бери*, что буквально означает: «Оставшийся ребенок», «Со времен оставшегося ребенка» и пр.

По второму варианту легенды, тюрки произошли от рода *Со* и той же волчицы. Из их потомков сохранилось только четыре внука. Первый превратился в Лебедя (*Ку*) и поселился на реке Ку (р. Лебедь). Второй, под именем *Цигу*, поселился между реками Абу (Абакан) и Гянь (Енисей), а третий и четвертый поселились на р. Чу на южном Алтае. Исследователи отождествляют потомков первого внука с лебединцами — *Ку-киши* (Лебединцы. — *И. М.*) сохранив в своем имени тотемную птицу — Лебедь. Второго внука ученые связывают с киргизами, живущими между р. Абакан и Енисеем (р. Гянь-кам). Потомки третьего внука связываются с самой волчицей и именуются *Асян-шу*. Род *Со* известный ученый-тюрколог Н. А. Аристов связал с подразделением *Со* среди североалтайского племени кумандинцев, занимавших реку Бий.

Эта легенда интересна тем, что один из родов тюрков ведет свое происхождение от легендарного Лебедя (*Ку*). Не потому ли среди древнетюркских амулетов

так много изображений птичьих головок, расположенных по кругу, изображений птиц на керамике в виде ручек, крышек и т. п. У ряда тюркских народов — чувашей, татар и других — гусь, лебедь, обозначаемые одним термином, являются жертвенными святыми птицами при различных ритуальных торжествах. Очень часты в археологических находках амулеты с так называемыми «соколиными головками», встречающиеся еще в скифское время. Не отсюда ли берет начало вдохновляющий клич кочевников при набегах: «Ку! Ку!»?

Китайские источники говорят, что все представители рода *Со* погибли из-за своей глупости, остались в живых только упомянутые четверо внуков волчицы. Но в чем проявилась та глупость, авторы не рассказывают. Эта легенда удивительно напоминает, а в отдельных деталях совпадает с одним из эпизодов балкаро-карачаевского нартского сказания... У нартского кузнеца Дебета было 19 сыновей. Старшего звали *Гу*, следующего — *Цехни*. Дело в том, что здесь повторяются имена двух внуков волчицы — *Ку* и *Цигу*. Цикл сказаний о *Гу* и *Цехни* проливает свет на необъясненную китайскими источниками глупость рода *Со*, из-за которой все погибли. *Гу* был пастухом отцовских овец, а *Цехни* — могучий и ловкий зверолов и охотник, он постоянно подшучивал над *Гу*. Часто говорил ему, что тот не сможет даже уберечь свое стадо от воров, не сможет оказать им сопротивление и т. п. Старший, *Гу*, всегда отвечал младшему брату *Цехни*: «Эй ты, сокол мой зоркий, мой волк быстроногий! Где тут взяться неожиданному вору!» Однажды ночью шутник *Цехни* подкрался к отаре *Гу*, а тот, услышав шорох в кустах, пустил туда стрелу и убил кравшегося «вора», которым оказался его младший брат — *Цехни*. Терзаемый горем «братоубийца» *Гу* превращается в морскую чайку или лебедя и исчезает в небесах. Не этот ли трагический случай подразумевали китайские авторы под глупостью, погубившей род *Со*?

С четырьмя внуками волчицы древнетюркской легенды возможно сопоставить 4 колена древних болгар: *Купи-булгар*, *Дучи-булгар*, *Огхондор-булгар*, *Чдар-булгар*; 4 рода болгар, отмеченных в «Именнике болгарских князей IX века»: *Дуло*, *Укуль*, *Ерми*, *Угаин*. Сюда же вписывается предание о происхождении карачаевцев и балкарцев, в которых также фигурируют по

четыре героя: *Карча*, *Науруз*, *Адирхай* и *Будуян* в карачаевском, и *Малкар*, *Мисака*, *Басиат* и *Бадинат* в балкарском преданиях. Здесь же можно упомянуть четыре группы *Дорт Карача* в Крымском ханстве (т. е. крымские болгары. — И. М.), выступавшие как самостоятельное княжество. Их князь Сулешев в 1615 г. при царе Джанибеке-Гирее заключает договор с русским послом, о чем сказано в шортной грамоте Джанибека.

С загадочными четырьмя внуками волчицы — тотема тюркских народов — есть возможность сравнить наскальные изображения в верховьях р. Тызыл в Баксанском ущелье. Здесь, примерно в 11 км от сел. Кенделен вверх по реке, на левом берегу Тызыла, в небольшой пещерке нарисованы потускневшей красной органической краской четыре длинноногие, фантастические птицы, идущие колонной. Рядом с ними на открытых скалах изображен всадник с луком, какое-то чудовищное, четырехное змеевидное существо на фоне горного массива. Над всем этим изображен круг с четырьмя перекрещивающимися лучами, т. е. графическое изображение культа солнца и упомянутой балкарской клятвы *Къач*.

В июле 1909 г. Н. Б. Талицкому на известном болгарском городище Хумара мальчик-проводник рассказал карачаевскую легенду об огромной четырехногой змее необычайной силы. «Увидев жертву, она берет свой хвост в рот и катится на врага, и бьет хвостом, отпустив его с такой силой, что никакая лошадь не в силах устоять или убежать от нее». Поиски объяснения этой легенды подтолкнули Талицкого к карачаевской легенде об их расселении в верховьях Кубани и Теберды. В 1896 г. 120-летний Джанкезов и другие старожилы рассказывали, что из местности Архыз и Загдан, в поисках новых земель, родоначальник карачаевцев — Карча двинулся в восточные районы Прикубанья. «Под одной из гор, — говорится в сказании, — путники увидели большую змею, которая лежала поперек их пути. Путники испугались и, повернув в сторону, остановились на ночлег. Науруз, как опытный охотник, предложил убить ее в полдень, когда она будет спать на солнце. В полдень 60 всадников с Наурузом подъехали к ней и увидели, что она спит. Спала, хвост ее лежал в реке, а голова и туловище в долине». Охотники убили эту чудовищную змею.

Данная легенда живо напоминает чудовище-змею чувашских легенд — *Юху*, которая 100 лет живет как змея, затем 1000 лет живет в виде дракона-чудовища, а затем превращается в девицу — *Юха*, но может приобретать и другие формы. С легендарной змеей-чудовищем Юхой А. П. Смирнов связывает многие змееподобные изображения в болгарском археологическом материале Поволжья.

Карачаевская легенда о чудо-змее отражена в наскальных изображениях в верховьях р. Тызыл, где нарисован всадник, стреляющий из лука в змееподобное существо, а поодаль ломаной линией изображены горы...

...Один из сыновей нартского кузнеца Дебета долгое время оставался неженатым. Однажды он отправился в далекий путь и у берегов Эдила (Волги) видит: сидит чудовищная женщина-эмеген. Закинув свои груди за плечи, она штопала огромной иглой трещину в земле. Алауган незаметно подкрался к ней сзади и прильнул к ее груди. «Ох, как ты быстро стал моим сыном, не то был бы лакомым кусочком к обеду», — огорчилась эмегенша. «Да, я поторопился стать твоим сыном, не то непременно убил бы тебя», — ответил сын Дебета. В итоге она выдает за Алаугана свою дочь, которая как только родит ребенка, тут же его съедает. Так длилось долго. Алауган не мог больше этого вынести и, подложив однажды вместо только что родившегося ребенка маленького щенка, которого эмегенша сразу съела, унес своего сынишку к Минги-тау (Эльбрусу). Здесь он устраивает ребенка в трещинах ледника и со словами: «Пусть эти ледники будут тебе колыбелью» — покидает его. Мальчик Карашауай вырос, питаясь вместо материнского молока ледяными сосульками Эльбруса, и превратился в нарта небывалой силы и отваги.

Этот эпизод напоминает такую же героиню с закинутыми за плечи грудями из фольклора чувашей, татар, волжских болгар (А. П. Смирнов).

Как известно, осетины-дигорцы и балкарцы связывают свое происхождение с двумя родными братьями — Басиат и Бадинат. Этим, вероятно, эпическая память народов отражает существующую культурно-историческую близость между дигорцами и балкарцами. Этим объясняются почти полная идентичность патронимических названий, фамилий, общность одного и того же

«цокающего» диалекта в их языках и т. п. Дигорские предания говорят о том, что Бадинат (Бадила́т) женился на карачаевской княжне из рода Крымшаухаловых. От этого брака родились семь сыновей: Туган, Кубат, Карачи, Абисал, Қобан, Чегем, Бегуй, от которых пошли все семь княжеских фамилий Дигории — Тугановы, Чегемовы, Қобановы, Абисаловы, Кубатиевы, Битуевы, Карачаевы. Поэтому ничего удивительного нет в том, что на территории Северной Осетии, особенно Дигории, имеется более 150 тюркских топонимов, в т. ч. зафиксировано и имя родоначальника карачаевцев — *Карчи*, звучащее на цокающем диалекте дигорцев как *Карца*. Для примера можно привести дигорское звучание названий таких селений, как *Чми/Цми*.

Некоторые историки считают возможным предполагать, что в преданиях о приходе братьев Басиат и Бадинат на Центральный Кавказ получило своеобразное поэтическое осмысление историческое событие — переселение на Кавказ 20 тысяч болгар во главе с двумя родными братьями, о которых повествует хроника Якобитского патриарха Михаила Сирийского (1126—1199). Возможно предположить, что мотив о двух братьях может восходить к преданию, переданному Прокопием, о том, что болгары происходят от двух родных братьев-гуннов: Утурку и Кутургу.

Много ценной исторической информации содержит по рассматриваемому вопросу балкаро-карачаевский нартский эпос. Имя нартского кузнеца *Дебета* идентично древнетюркскому этнониму *Дебо*, названию тюркского племени *Тобо*, которое в середине V в., покорив гуннов, объединив все разрозненные племена, создало древнетюркскую империю, названную китайскими летописцами *Вэй*. Имя *Дебет* образовано с помощью характерного аффикса множественности *ат*, прибавленного к корню *дебо* или *тобо*.

В балкаро-карачаевском эпосе говорится о жестоком притеснителе народа, кровожадном властителе Қызыл-Фуке, требовавшем от нартов непомерные налоги. Быть может, эпический образ Қызыл-Фука сформировался под впечатлением злодеяний золотоордынского эмира Қызыл-Фука. Известно, что Қызыл-Фук вошел в историю как жестокий вымогатель.

Рассмотренные сюжеты, конечно, не охватывают всего многообразия параллелей между фольклором

древнетюркских племен и карачаево-балкарцев, но они представляют собой характерные примеры творческого отражения и переосмысления в балкаро-карачаевском фольклоре сказаний и легенд древних тюрков: гуннов, болгар, скифов и др. Из всего этого становится очевидным, что фольклорное наследие балкарцев и карачаевцев может сыграть огромную роль в освещении сложнейшей проблемы этногенеза названных народов.

Теперь в полный рост встает вопрос: на какую же кавказскую основу легли все рассмотренные выше материалы из древнетюркского и пратюркского мира?

§ 5. Кавказский компонент в этногенезе балкарцев

Когда речь заходит о кавказском субстрате в процессе этногенеза балкарцев, обычно исследователи останавливаются на так называемой Кобанской культуре Центрального Кавказа раннего железного века — I тыс. до н. э. Однако этот неверный постулат нуждается в серьезной поправке. Дело в том, что сама Кобанская культура зародилась в XVI—XIV вв. до н. э. на южном склоне Кавказа в долине реки Лиахвы на территории Южной Осетии (В. В. Техов). Отсюда она перекинулась на северный склон Кавказа и распространилась именно по горным районам Северной Осетии, Чечни, Ингушетии, Балкарии и Карачая. В степных и равнинных районах Предкавказья эта культура неизвестна.

Таким образом, сама Кобанская культура не является автохтонной (коренной) культурой для Центрального Предкавказья, а потому она не может служить изначально кавказским субстратом для формирования культуры пратюрков и древних кавказских тюркских племен и народов, предки которых проникли сюда более чем за 2000 лет до проникновения Кобанской культуры.

Истинно местнокавказскими чертами, представленными в одном из самых ранних неолитических памятников Северного Кавказа — Нальчикском могильнике рубежа IV—III тыс. до н. э., являются погребения в ямах, выложенных камнем, с галечной подстилкой и пр. Умершие лежали в скорченном положении, на правом или левом боку, ориентированы были с юга на запад. Весь этот погребальный обряд бытовал в период раз-

ведения кавказскими племенами крупного рогатого скота.

В эту кавказскую среду в IV тыс. до н. э. проникают элементы степной курганной культуры. Умершие лежали в мелких курганах, на спине, с подогнутыми в коленях ногами, ориентированы головой на восток. Могильные ямы были выстланы органической подстилкой (кора, трава, камыш) или войлоком. Вместе с тем на Кавказ проникает новая форма скотоводства — кочевое овцеводство.

Симбиоз кавказской и степной (кочевнической) культур отразился и в антропологическом типе древних обитателей Северного Кавказа.

Исходя из собранного в 1926—1928 гг. В. И. Левиным материала, выдающийся антрополог В. Н. Алексеев пришел к выводу, что балкаро-карачаевцы относятся к так называемому кавкасионскому типу европеоидной расы и в их антропологическом типе нет специфических уклонений в направлении к большой монголоидной расе, что они четко сближаются с остальными горнокавказскими группами. По мнению антропологов, карачаевцы и балкарцы «являются классическими представителями кавкасионского типа», не имея никаких монголоидных черт. Антропологические измерения К. Х. Беслюкоевой и В. П. Алексеева подтвердили принадлежность могильников XIII—XVIII вв. балкарцам и карачаевцам, имеющим далекие местнокавказские антропологические истоки.

Приведенные антропологические выводы были подтверждены рядом таксономических данных, собранных в 1958 г. экспедицией Института экспериментальной морфологии АН Грузии им. А. Н. Натишвили. Экспедиция изучила группы по 100 чел. в селениях Джегута, Усть-Джегута, Сары-тюз, Эль-таркач, Кенделен. Исследователи пришли к выводу, что по основным признакам (таксономически важным для разграничения монголоидной и европеоидной рас) — по монголоидной складке верхнего века (эпикантуса), горизонтальной профилировке лица, пигментации у балкарцев и карачаевцев — «нужно исключить монголоидную примесь и определить их место среди прочих кавказских групп, представителей южной ветви европеоидной расы».

В последние годы археологи внесли существенные дополнения в древнекавказские истоки традиционной

культуры балкаро-карачаевцев. Прежде всего отметим раскопки В. Б. Ковалевской на реке Эшкаконе в зоне Кисловодского водохранилища. Открытые здесь дома I тыс. до н. э. «увели в глубь веков на два с половиной тысячелетия те культурные традиции, которые прослеживались в жилом строительстве горских народов северных склонов Большого Кавказа», в т. ч. и в культуре балкаро-карачаевцев.

Эту преемственность археологи прослеживают по целому ряду специфических строительных приемов, деталям оформления интерьеров, способу возведения и укрепления стен и перекрытий, по внутренней планировке помещений и хозяйственных построек.

Достаточно большие дома, раскопанные В. Б. Ковалевской на поселении «Уллу багъанала II» и др., достигающие 80—90 м², имеют много общего с балкаро-карачаевскими домами XIX—XX вв. не только по габаритам, но и по ряду строительных приемов, прослеженных известным архитектором Э. Б. Бернштейном.

Исследования архитекторов прекрасно дополняют выводы археологов о том, что строительные традиции балкаро-карачаевцев уходят вглубь на два с половиной тысячелетия до н. э. Балкарцы и карачаевцы умело и верно использовали свойства строительного материала над проемами стен, особенно камня. Так, например, «чтобы перекрыть каменной плитой более значительный, чем обычно, пролет входа в конюшню дома Буллы Забакова в Кюнлюме (Верхняя Балкария), взят неотесанный камень неправильной формы, имеющий размеры 2×0,70×0,40 м. Но, если обычно такие камни укладывались плашмя, здесь он поставлен на ребро, так что плоскости слоев в нем вертикальны, и тем самым увеличено сопротивление на изгиб». Архитектор далее пишет, что «этот прием, когда-то подмеченный великим архитектором Шуази при исследовании храмов на острове Эгине и в Пестуме, считается им признаком высокого понимания греческими зодчими свойств материала и вполне заслуживает такой же оценки при изучении построек балкарских. <...> По основным конструктивным элементам балкарского народного жилища видно, что по их конструкции, форме и постепенному развитию можно судить о том, как зарождались классические архитектурные формы».

Чтобы проследить, как выглядели деревянные опоры, от которых произошла ордерная система, классики обращаются к изображению архаической деревянной колонны, высеченному на архитравном камне Львиных ворот в Микенах. Показанный на нем столб, несущий перекрытие в виде балки с лежащим на ней рядом жердей, прижатых камнями, является памятником тех деревянных конструкций, которые не сохранились от времени, отдаленного от нас почти тремя тысячами лет. Но вот рассмотрели ряд опор балкарских жилищ, и при этом оказывается, что несущие столбы в доме того же Буллы Забакова, построенном не ранее XVI века, почти полностью повторяют указанное изображение на Львиных воротах. Причем в балкарском доме эту опору мы видим не изображенной по исчезнувшему образцу и открытой археологами путем раскопок, а реально существующей и несущей нагрузку, для поддержания которой она когда-то была установлена. По словам Бернштейна получается, что если «сопоставить кюлюмскую опору с микенской, опору в доме Мисирби Малкарова в Турахабла (Верхняя Балкария) со столь сходной с ней пальмовидной колонной Египта или взглянуть на четырехгранный деревянный центральный столб жилища дома Тамука Кулиева в Булунгу, то кажется, что все они созданы специально для того, чтобы проиллюстрировать и подтвердить слова Альберта о том, что «сначала колонны были деревянными и круглыми, какими даровала их природа, а затем применение их привело к тому, что в некоторых местах стали появляться и четырехугольные» (Альберт Л.-Б.). «Наконец,— продолжает архитектор,— если взять четыре опоры навеса дома Хаджимурата Кулиева в Эль-тюбю, каждая из которых обтесана на 16 граней, имеет утончение ствола кверху, начинающееся с $\frac{1}{3}$ высоты, а вся высота которой составляет 6 диаметров, и сравнить их с двумя колоннами гробницы Хнемхотепа в Бени Хасане, имеющими также 16 каннелюр, то же утончение ствола (энтазис) и то же соотношение диаметра к высоте,— трудно поверить, что последние датируются между 2770-м и 2560-м годами до нашей эры, а первые созданы в горах Северного Кавказа не ранее XVIII века. А ведь именно колонны Бени Хасана считаются самыми ранними праобразами греко-дорического ордера. Форма этих колонн с их карнизом и высеченными в скале подражаниями тор-

цам балок рассматривается как древнейшее свидетельство деревянного происхождения этого ордера. Но в истории мировой архитектуры нет такого памятника деревянного зодчества, который по своим формам так непосредственно примыкал бы к этому древнейшему воплощению в камне предшествующих ему форм деревянной конструкции и в котором бы уже имелись выполненными в дереве все элементы архитектурной обработки, повторенные в камне в гробнице Бени Хасана. Правда, колоннада дома Хаджимурата Кулиева появилась не до гробниц Бени Хасана, а через 3000 лет после них...»

Завершая свой труд, Э. Б. Бернштейн писал: «Знакомство с отдельными элементами балкарской народной архитектуры дает возможность особенно реально представить себе, как происходило зарождение архитектурной и строительной культуры вообще, причем позволяет судить об этом наиболее ясно, поскольку здесь эти зачаточные формы существуют не как археологические останки, а действующие элементы еще действующих построек».

Многовековое совместное обитание в одинаковых физико-географических условиях привело к формированию однообразного хозяйственного уклада горских народов Северного Кавказа. Все это нашло отражение в народной, традиционной культуре горцев: в жилищах, горных аулах, пище, одежде, украшениях, домашней утвари и пр.

В ы в о д ы. Анализ существующей научной информации по вопросу происхождения балкарцев убеждает в том, что отдельные авторы подходили к нему либо с преднамеренной задачей, либо не совсем верно трактовали первоисточники. Однако объективные исследования приводят к солидарности с теми учеными, которые справедливо считают, что традиционная культура народа является важнейшим этническим определителем. Когда данные традиционной культуры, хозяйственного уклада и языка находят общие точки соприкосновения, а они, в свою очередь, подтверждаются историческими сведениями, тогда получаемые исследователями выводы приобретают особую значимость. В этом отношении очень важен тот многозначительный факт, что и в языке самих балкарцев, их соседей совершенно без каких-либо изменений сохраняются и существуют либо как

самоназвания балкаро-карачаевцев, либо как их этнические названия в устах соседей, либо как топогидронимы Балкарии и Карачая такие древние этнонимы, как Ас, Алан, Болкар, Басил, Басмалы, Кутургу, Биттургу, Былым, Хазар и др. Правомерность бытования этих тюркских этнонимов подкрепляется многими специфическими элементами традиционной культуры (срубные дома, плащи-накидки — гебенек; молочные продукты — айран, кумыс; изготовление войлока и войлочных изделий: употребление конины, специфических мясных блюд: къазы, тѣш, жѣрме и др.), вовсе не характерными изначально для культуры соседних кавказских народов. Такие же отличительные особенности наблюдаются и в духовной культуре балкаро-карачаевцев. Прежде всего это Верховное божество Тейри (Тенгри), не встречающееся у соседей; преклонение и почитание отдельных деревьев, культ быка, коня, зайца; поверье в различных оборотней-обуров, хозяев земли, воды и пр.

Поиски аналогий этим элементам идеологических воззрений уводят нас в мир древнетюркских скифских, алаано-асских, гунно-болгарских племен.

Проанализированные материалы свидетельствуют, что основное этногенетическое ядро формирования балкарского народа было заложено на Северном Кавказе в период проникновения сюда и оседания здесь древнейших кочевников IV—III тыс. до н. э. Позднее на эту основу накладывались скифские, гунно-болгарские, алаано-асские племена, отраженные во множестве античных и римско-латинских литературных произведений. Так, например, древнейшие предки балкаро-карачаевцев — скифы, киммерийцы и др. — вполне однозначно отмечены в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, в работах Гесиода, Геродота, Страбона, Плиния, Помпония Мелы, Птолемея и мн. др.

В различные исторические эпохи, в результате различных событий, многие тюркские племена вступали в непосредственные контакты с кавказскими племенами, а также с ранее сюда проникшими тюркскими сородичами.

Таким образом, первый этап формирования балкарцев происходил в эпоху энеолита (новый каменный век) на Северном Кавказе и был связан с процессом смешения кавказских племен со степными носителями древнейшей (курганной) археологической культуры рубежа

IV—III тыс. до н. э. На основе такого кавказо-степного симбиоза к середине III тыс. до н. э. на Северном Кавказе формируется на базе степных элементов так называемая Майкопская курганная культура. В этот период древнейшие создатели Майкопской культуры — древнейшие степные овцеводческие племена — проникают со своим курганным погребальным обрядом в Азербайджан, Грузию, Армению и далее в Переднюю и Малую Азию, где вступают в контакт с древнейшими земледельцами и дают новый толчок формированию древнейшей цивилизации шумеров.

Второй этап этого процесса падает на период синкретизма и симбиоза культуры государства скифов — прямых потомков древнеямников — с аборигенами Кавказа и наследниками ямно-кавказского смешения.

Третий этап рассматриваемого процесса относится к периоду смешения потомков ямно-скифо-кавказских племен с раннесредневековыми племенами гунно-болгарского и алано-асского круга, создавших Великую Болгарскую державу в VII в. и Аланское государство в IX—XIII вв.

Сохранение в устах исторических соседних народов: осетин, адыгов, абхазов, сванов, мегрелов и других — этнонимов Ас, Алан, Болгар, связанных со скифами, болгарями, аланами в современных названиях балкарцев и карачаевцев, является весьма примечательным фактом для определения этнических корней балкарцев и карачаевцев.

Глава II

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАБАРДИНСКОГО НАРОДА

Принято считать, что этническая история адыго-кабардинцев изучена лучше, чем история других народов. Однако данная проблема все еще нуждается в дополнительной аргументации многих положений. К сожалению, догадка Ш. Ногмова о том, что в этнониме *адыге* сохраняется имя древних антов — *анты*, «изменившееся с течением времени» в *адыге* или *адыхе*, не могла получить научного обоснования. Л. Лопатинский пытался связать этноним *адыге* с названием племени *зихи* «через промежуточную форму» *А-Дзиге*. Термин *зихи* является одним из древних названий адыгов. Этот этноним встречается еще у Страбона (I в.), но он не смог более или менее правдоподобно указать район обитания этих племен. По его словам, *зихи* (*зиги*) обитали где-то между Черным и Каспийским морями, на побережье Азова, рядом со скифами, савроматами и др.

Незаслуженно забыто объяснение Ш. Ногмова, который справедливо выводил термин *зихи* из адыгского слова *цух* — «человек». Ш. Б. Ногмов писал, что «наши предки сделались известными своим соседям под названием человеков: циг, джиг, цух». Тем не менее исследователи до сих пор не предприняли попытки проанализировать слова Ногмова и указанный этноним.

Многие авторы считают предками адыгов племена синдов и меотов, хотя некоторые ученые говорят, что этот тезис уже давно и безнадежно устарел. Опровергнуть или подтвердить генетическую связь адыгов, синдов и меотов весьма сложно. Во-первых, в письменных источниках этноним *меоты* объединяет несколько разноразличных племен и носит собирательный характер для обозначения племен, обитающих вокруг Меотиды

(Азовского моря). Достаточно вспомнить, что Страбон к числу меотов относил синдов, дандариев, торетов, агров, тарпетов, обиднакенов и мн. др. Во-вторых, еще остается не выясненным, как произошел этноним *меоты* — от имени моря Меотиды или море получило название от имени народа, населявшего берега Азова? Плиний считал, что море получило название от имени народа, а Страбон писал, что название моря происходит от слова *мотоас*, т. е. «мутный» на языке племени ассиаков. Если вспомнить, что ассиаками осетины называют балкарцев, то становится весьма примечательным тот факт, что слово «мутный» на балкарском языке будет звучать *мутхус*, что очень близко страбоновскому термину. В-третьих, участие синдов и меотов в этногенезе кабардинцев некоторые считают устаревшей гипотезой лишь потому, что формант *ты* в осетинском языке означает множественное число. Однако является большой и общепринятой ошибкой считать, что носители этнонима говорили на том же языке, на каком объясняется данный этноним или его частица. В-четвертых, формант *ты, ат* образует множественное число в монгольском и тюркском языках. Поэтому вряд ли можно считать осетино-иранскими такие этнонимы, как *яку+ты, буря+ты, го+ты, тетракси+ты*, или такие топонимы, как *Карпа+ты, Суде+ты, Дуглат, Ойрат, Конграт, Арат* и мн. др. Кроме всего этого, по словам самих же авторов — сторонников теории синдского происхождения адыгов, термин *син* является тюркским и означает «памятник». Но вряд ли отсюда можно делать вывод о тюркоязычности синдов.

Таким образом, проблему о языке синдов и об их отношении к адыгам приходится оставить открытой, а тем более, что есть авторы, утверждающие фракийское происхождение самих синдов.

Адыго-кабардинцам свойствен еще один, до конца не выясненный этноним — *черкес*. Видные тюркологи А. Н. Баскаков, М. И. Артамонов связывают этот тюркский термин со словами *чер/чир* — «войско». Вторая часть термина означает *кес* — «резать». Таким образом, данный термин может означать «режущее войско». Но более вероятным кажется объяснение второй части слова тюркским *киси* — «человек», как это наблюдается во множестве тюркских этнонимов: *Алтай-киси, Чу-киши, Ас-киси*, обозначающих «алтайский человек, чуйский

человек, асский человек» и др. Из этих разъяснений становится очевидным, что термин *черкес* может означать: «войско + человек», равнозначное понятию «воин. военный» и пр. Подобное толкование подтверждается множеством находок оружия: сабли, наконечники стрел, колчанов в кабардинских погребениях XIV—XVII вв. В памятниках чеченцев, ингушей, осетин, балкарцев, карачаевцев такого обилия оружия не встречается.

В X в. становится известным еще один этноним адыгов — *косог*, бытовавший среди племен хазарского времени — рубежа VIII—IX вв. По словам авторов X в. Константина Багрянородного и Абу-ль-Хасан Али-аль-Массуди, *косоги* жили «между Кабхом (Кавказом.— И. М.) и Румским (Черным.— И. М.) морем... Над Казахией (Косогией.— И. М.) — Кавказские горы, а за горами земля Алания...». Из этих сведений ясно видно, что *косоги* жили западнее аланов, граничащих по р. Лабэ.

Существует предположение, основанное лишь на созвучии слов *косог* и *кошак* (*кашки*). Следуя ему, некоторые авторы отождествляют средневековых *косогов* с переднеазиатскими кашками II тыс. до н. э.

Однако ведущие археологи давно сомневаются в возможности такого отождествления. Например, Р. М. Мунчаев пишет: «Что это за племена, откуда они сюда проникли, на каком языке говорили, остается неясным. Можно ли связывать кашков с адыго-абхазами? Для ответа на этот вопрос и подобные ему, мы пока не располагаем сколь-нибудь надежными данными».

Если учесть, что термин *косог* появляется в тот период, когда в южнорусских степях и на Северном Кавказе господствовали хазарские племена, и что тюркские племена называли себя по количеству входящих в их состав подразделений: *Он-ок*, *Уч-ок* и т. п., то неудивительно появление тюркского названия племен *кос + ок*, т. е. «пара стрел», «объединенные стрелы» и пр. Сам термин происходит от тюркского *кош* — «объединяй, соединяй». Именно объединения многих племен адыгов, бжедухов, жанеевцев, черкесов, кабардинцев, шапсугов и других именовали себя термином *адыги*.

Мы отметили лишь незначительные моменты этнической истории адыго-кабардинцев, а именно происхождение их этнонимов. Но эти слегка затронутые вопросы могут сыграть важную роль при освещении этнической истории названных народов.

Глава III

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАССЕЛЕНИЯ БАЛКАРЦЕВ И КАБАРДИНЦЕВ НА НЫНЕШНЕЙ ТЕРРИТОРИИ

По сведениям античных и средневековых авторов, предки кабардинского народа входили в круг так называемых синдо-меотских племен Нижнего Прикубанья и Приазовья, имевших тесные культурно-экономические контакты с Причерноморским Боспорским царством.

В различных источниках предки кабардинцев именовались зихами, керкетами, косогами, черкесами.

Основные археологические памятники материальной и духовной культуры адыго-кабардинцев в период, предшествовавший событиям XIII—XIV вв., сосредоточены на их этнической территории в Нижнем и Среднем Прикубанье, где они сформировались как самобытные этнические группы адыгов. Такое размещение археологических источников подкрепляется и целым рядом письменных сведений того периода. Так, известный арабский ученый Мас суди в X в. писал, что «по соседству с аланами между горой Кабхом (Центральный Кавказ.— *И. М.*) и Румским морем (Черное море.— *И. М.*) находилось племя по имени Кешак» (косоги.— *И. М.*).

В том же, X в. анонимный персидский источник Худуд-аль-Алем сообщает, что на западе аланы граничат с землей «кесак» на берегу моря Гурз (Черное море.— *И. М.*). К западу от алан и Кавказских гор помещает казахов (косогов) и византийский автор X в. Константин Порфирородный.

Подробно описывая монгольское нашествие 1222 г. на Центральный Кавказ и перечисляя местные племена, знаменитый Ибн-аль-Асир не называет среди них кабардинцев или кашков. Не упоминают их здесь и летописцы Тимура в 1395—1396 гг. Наоборот, они сообща-

ют, что великий Тимур после разгрома золотоордынского хана Тохтамыша на р. Терек, близ современного г. Майского, останавливается на отдых в Бештау и отсюда снаряжает специальный отряд для покорения черкесов на Кубани.

В некоторых научных кругах распространено предположение И. М. Дьяконова о том, что в Центральной и Западной частях Северного Кавказа в III тыс. до н. э. обитали племена либо непосредственно принадлежащие абхазо-адыгской языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгскому. Однако известный специалист по истории и культуре Кавказа эпохи бронзового века Р. М. Мунчаев доказывает, что «предположение Дьяконова чрезвычайно трудно признать. До сих пор мы не имеем ни одного убедительного свидетельства в пользу этого в памятниках III тыс. до н. э. Здесь нет ни одного источника, в котором был бы запечатлен хотя бы один из этих языков. Что это за племена (будто бы говорившие на Северном Кавказе на абхазо-адыгском языке в III тыс. до н. э.— И. М.), откуда они сюда проникали и на каком языке говорили, остается неясным. Можно ли их связывать с кашками, обитавшими в конце III—начале II тыс. до н. э. на северо-востоке Понта? Для ответа на этот и подобные этому вопросы мы пока не располагаем сколь-нибудь надежными данными» (Мунчаев Р. М., с. 411—413).

Из приведенных фактов видно, что некие племена кашков как в III—II тыс. до н. э., так и в эпоху средневековья обитали где-то на восточных берегах Черного моря.

Очень важные сведения о расселении кабардинцев на территории Центрального Предкавказья дают исследования известных кабардинских археологов Р. Ж. Бетрова и А. Х. Нагоева. Всесторонне проанализировав материалы из кабардинских курганов, они пишут, что переселение кабардинцев на нынешние территории началось в конце XIV—начале XV в., после погромов местных племен полчищами Тимура. «Максимальное же расселение кабардинцев, по их мнению, приходится на XV—начало XVI века» (Нагоев А. Х., с. 44; Бетров Р. Ж., с. 141—142).

В подтверждение этой даты много исторических и фольклорных данных приводит кабардинский ученый В. Кудашев в своем известном труде «Исторические

сведения о кабардинском народе», посвященном 300-летию Дома Романовых и изданном в Киеве в 1913 г.

Древнейшие предки балкарцев неразрывно связаны с древними племенами Кавказа и кочевниками-овцеводами евразийских степей. Проникновение кочевнической древней курганной культуры, зарождавшейся в междуречье рек Волги и Урала в конце IV — начале III тыс. до н. э., на Северный Кавказ и Закавказье свидетельствует о тесных культурных и этнических контактах древних кавказских племен с древнейшими кочевниками. Археологический материал говорит о смешении культуры кавказцев и кочевых племен конца IV—начала III тыс. до н. э. Подобная интеграция культурных течений заложила прасовую форму формирования предков балкарского народа.

В эпоху раннего средневековья (до монгольского нашествия) предками балкарцев были тюркские племена асы, аланы, болгары, сабиры, большинство из которых входило в гунно-болгарское объединение. По сведениям древнеармянских источников, еще во II в. до н. э. Кавказские горы назывались «Землей болгар», а по сообщению Прокопия Кесарийского, в V в. Дарьяльским проходом владели гунны. В VII в. в Прикубанье была создана Великая болгарская держава хана Кубрата, охватывавшая районы нынешних Кавминвод. Основным городом был Хумара, расположенный на правом берегу Кубани, близ аула Хумара в Карачаево-Черкесии. Он представлял собой большой город-крепость, обнесенный мощной оборонительной каменной стеной шириной более 5 метров.

В конце VII—начале VIII в. болгарское государство было разгромлено хазарами и болгары были включены в Хазарский каганат, представляя в нем южные окраины, граничащие с Грузией.

После распада Хазарского каганата, в X—XIII вв., предки балкарцев, объединенные под эгидой алан, образовали крупное государственное объединение с широкими культурно-экономическими связями со множеством средневековых государств мира.

Археологические и эпиграфические памятники предков балкарцев — алан и болгар — густой сетью покрывают почти всю территорию Северного Кавказа от верховий Кубани до Терека. Среди них можно отметить аланские городища Нижний и Верхний Архыз на Зеленчуке, Ниж-

ний и Верхний Джулат на Тереке, городища и поселения, могильники алан и болгар у селений Кёнделен, Лашкута, Заюково, Кызбурун, Нижний и Верхний Чегем, Аргудан, Лескен, Кешене-аллы и мн. др. Огромная масса археологических памятников тюркских племен сопровождается таким же количеством тюркских названий местностей — гор, рек, урочищ Северного Кавказа. Достаточно отметить такие балкароязычные топогидронимы, как *Ак-баш, Беш-тау, Кызбурун, Кишпек, Эльхот, Лачин-кая, Терк, Кобан, Балкъ (Малка), Черек, Чегем, Бештамакъ* и др. Последний топоним, как место слияния «Пяти устьев» — т. е. рек Терек, Черек, Чегем, Баксан, Малка у нынешней ст. Екатериноградской, упоминается в трудах европейских авторов XVIII—XIX вв. Сохранение этого топонима чрезвычайно важно, потому что в окрестностях давно уже живут не-тюркские народы, а название остается прежним.

В результате событий XIII—XV вв. территория народов Северного Кавказа значительно сократилась.

Картографирование археологических памятников кабардинского народа XIV—XVII вв. показывает, что в этот период своего расселения территория Кабарды доходила по линии предгорий вплоть до берегов Сунжи (Нагоев А. Х., карта).

Основные материальные свидетельства о расселении кабардинцев — так называемые кабардинские курганы достаточно четко определяют их границы. По исследованиям археологов, самые южные границы проходят по зоне предгорий, примерно по линии современных селений — Каменномост, Заюково, Лачинкай, Шалушка, Вольный Аул, Псыгансу, Лескен (Нагоев А. Х., карта). Изучение этих памятников приводит исследователей к выводу о том, что «кабардинские курганы в большом количестве встречаются в равнинной и особенно в предгорной частях Центрального Предкавказья. Они совершенно неизвестны в горах и степях» (Нагоев А. Х., с. 44).

По линии выходов из ущелий, где ограничиваются южные пределы распространения кабардинских курганов, воздвигали свои крепости и золотоордынские ханы, каждый пятый воин которых должен был охранять выходы из ущелий от алан, укрывшихся в горах. Именно по этой же линии выходов из ущелий строит свою оборонительную линию и Россия по рекам Черек, Наль-

чик, Чегем, Баксан, Малка (Кудашев В., с. 102; Жилиховская В., с. 17—19).

Определенные сведения о границах Кабарды содержат труды ученых и путешественников XVIII в. Грузинский царевич Вахушти в 1745 г., описывая границы горских народов Кавказа, говорит, что «**Басиани** (т. е. **Балкария**) **на севере доходит до выхода р. Терек из ущелий на равнину**» (Вахушти, с. 150).

В 70-х гг. XVIII в. акад. Паллас писал, что ближе к верховьям Баксана находились Атажукины поселения, а в среднем течении той же реки, у подножий гор, располагались Мисостовы владения, главное место пребывания которых было в Кызбуруне (Волкова Н. Г., с. 44—45, 51).

В 1886 году сын видного кабардинского владетеля Конова — Магомет, сопровождая С. Ф. Давидовича из Пятигорска в Верхний Баксан, заявил, что выше аула Атажукиных (Заюково) дорога по Баксанскому ущелью ему не знакома (Исторический вестник. Т. 28. 1887. С. 346). Этот факт перекликается со словами Палласа, что самым высокогорным аулом кабардинцев являются аулы Атажукиных.

В 1869 году в докладной записке Кавказского военного округа военному министру о разграничении Горских обществ с Большой Кабардой написано, что «земли кабардинские служат продолжением ущелий, занятых Горскими обществами» (Документы..., с. 121).

Крупнейший знаток документов XVI—XVIII вв. по русско-кавказским отношениям Е. Н. Кушева приходит к заключению, что «кабардинцы занимали равнинные места и предгорья по левым притокам Терека, до входа в горные ущелья (Кушева Е. Н., с. 91, 95).

В 1836 году Хан-Гирей писал, что «от выхода из гор до принятия реки Сунжи Терек течет через земли черкесов» (Хан-Гирей, с. 51). В том же году Бларамберг, составитель топографического, статистического и военного описаний Кавказа, отмечал, что «Кабарда расположена к югу от Георгиевска и Моздока, параллельно, так сказать, этим городам. Ее ширина — от 30 до 80 верст вплоть до Черных гор Кавказа (Лесистый хребет.— И. М.) и протяженность ее до 200 верст от Подкумка до Сунжи» (Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 409). Те же параметры для Кабарды указывает и Хан-Гирей (Записки, с. 161).

Точно те же параметры (ширина от 30 до 80 верст) соблюдены на топографической карте Черкесии 1830 г. (Дубровин Н.) Причем самое узкое место, примерно в 30 верст, приходится на «переход от бассейна Кубани к бассейну Терека», т. е. к районам Подкумка и Джинал-сырта, а самая широкая полоса, в 80 верст, охватывает линию от Моздока в направлении Баксана и Нальчика. Если перевести на современную карту эти данные, мы получим границы Кабарды XVIII—XIX вв.

На протяжении XIX в. предпринимались попытки отодвинуть земли балкарцев как можно в глубь гор, даже за Скалистый хребет, чуть ли не к подножию снежных вершин. Одним из таких никем из местной, областной и царской администраций не поддержанных проектов разграничения земель Балкарии и Кабарды был проект Л. Кодзокова от 24 октября 1863 г.

Будучи председателем поземельной комиссии, Кодзиков настаивал определить границы между Кабардой и Балкарией по линии: от впадения рек Камык, Герхожан в Баксан, далее через Холам, до впадения Карасу в Черек и т. д.

Аргументы Кодзокова сводились к следующему:

1. В очерченных им границах якобы находятся «известные памятники и могильники кабардинских аулов».

2. Границы, обозначенные кабардинцами, правдоподобны, потому что «указываемые ими границы могли быть вследствие той силы и того преимущества, которыми они некогда пользовались над горскими обществами».

Балкарцы настаивали на своих границах примерно по линии: где река Псыгансу впадает в Черек, далее от впадения реки Хаюко в Баксан (близ совр. сел. Лашкута) и далее по пастбищам Хаймаша. Свои требования они аргументировали следующим образом:

1. «С водворения русского правительства на Кавказе горские общества не имели с Кабардой определенных границ и горцы не встречали препятствия пользоваться постоянно пастбищами даже ниже поселений кабардинских аулов».

2. «Землями ниже кабардинских поселений до пришествия в край кабардинцев балкарцы владели и пользовались ими в последнее время без платы и границ с Кабардой не имели».

Этот спор не смогли решить и медиаторским, третейским, судом.

Сопоставив утверждения Кодзокова о памятниках и могильниках кабардинцев в горах со всеми вышеизложенными фактами, нетрудно понять, что ни один исследователь древностей Кабарды не может подтвердить голословные заявления автора «Проекта».

Аргументы балкарцев подкрепляются всеми вышеприведенными историко-археологическими фактами, которые свидетельствуют о том, что в памяти народа сохранилась историческая обстановка двух-трех столетий, истекших с XV—XVI вв.

Проект Кодзокова не был сколь-нибудь серьезно воспринят тогдашней администрацией всех уровней. Вот как оценивали этот проект тогдашние власти:

1. «Когда медиаторское решение не состоялось, то будто бы когда-то существовавшие границы были определены личным произволом Председателя комиссии и созданы, конечно, в его воображении, потому что в основании этого определения не положено никаких данных».

2. Начальник Терской области Лорис Меликов (покровитель всех действий Кодзокова) писал: «При этом считаю долгом заявить, что во всяком случае границу придется назначить властью административную, потому что требования как кабардинцев, так и горцев до того преувеличены, что к согласию их взаимных претензий не представляется никакой возможности».

Такова была тогдашняя участь необоснованного проекта Л. Кодзокова. Вряд ли в наше время стоит вытаскивать на свет и пытаться вдохнуть жизнь в подобные документы, отвергнутые историей.

Необходимо сказать, что узаконенных, закрепленных в документах каких-либо границ между балкарцами и кабардинцами никогда не было. Оба народа веками мирно и доброжелательно жили в тесных экономических, культурных, кровнородственных контактах. Именно такой характер жизни мы должны отстаивать и углублять ради общего блага всех народов Кабардино-Балкарской Республики.

Глава IV

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ XIII—XVIII веков

В истории народов Северного Кавказа время XIII—XVII вв. принято называть эпохой позднего средневековья, а не Новым временем, как в истории классических европейских стран. В пределах отмеченных хронологических рамок в истории кабардинцев и балкарцев прослеживаются процессы становления их самостоятельной экономики и традиционной культуры, развития общественной, социальной структуры, установления политических, торгово-экономических и культурных взаимоотношений с Россией и соседними кавказскими народами и государствами. Особо важно подчеркнуть, что в этот период складываются мощные кровнородственные, межэтнические связи балкарцев и кабардинцев, которые процветают и в наши дни.

Одним из крупнейших событий, затормозивших поступательное развитие экономики и культуры народов Кабарды и Балкарии, явилось монголо-татарское нашествие, начавшееся для Восточной Европы с предгорий Кавказа. Горцы Северного Кавказа в 1222 г. совместно с аланами и кипчаками (половцами) первыми приняли удар монгольских полчищ. В следующем, 1223 г. все их вероломство испытали на себе войска русских князей на реке Калке. В связи с этими событиями русские летописи сообщают: «И мы слышахом, яко мнози страны полониша, ясы, обезы множество избиша». Те же документы повествуют, что осенью 1238 г. ханы Менгучаан и Кадан приступили между Азаком и Кубанью к систематическому истреблению черкесов, организовывали против них специальные походы. И все же полностью покорить косогов, черкесов, аланов им не удавалось, что подтверждают путешественники XIII в., которые отмечали, что эти племена то платили дань, то

не платили. В этом контексте уместно привести слова путешественника середины XIII в. Гильома Рубрука: «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине». Мы уже отмечали, что именно по этим линиям выхода из ущелий строили свои крепости и золотоордынские и русские войска.

Уничтожительные погромы черкесов и асов устраивал и всемирный завоеватель Тимур в 90-х гг. XIV в. Так же, как и в случае с монголами, северокавказские народы сполна испытали силу и мощь тимуровских армий, выступая по необходимости, как подвластные народы, на стороне золотоордынского хана Тохтамыша. По сведениям источников, на берегах Терека 14 апреля 1395 г. в районе крупнейшего средневекового города Нижний Джулат, расположенного у головного сооружения Малокабардинской оросительной системы близ современного г. Майского, произошла крупнейшая битва между войсками Тимура и Тохтамыша.

После разгрома Тохтамыша Тимур остановился на отдых у Беш-тау и оттуда организовывал специальные походы против черкесов, которые, по словам летописцев, «сжигали луга, которые находились между Азаком и Кубанью, вследствие чего множество скота победоносного войска погибло на этом пути и оно бедствовало около 7—8 дней от бескормья». В наказание за это Тимур направил в Прикубанье лучших своих эмиров и приказал покорить эту страну.

Далее летописцы Тимура пишут: «Когда мысли Тимура успокоились от дел с областью русских и черкесов, то он со всем, подобным небосводу, войском повернул к горе Эльбурз... В намерении покорить неверных, знамя мир завоевывающее, направилось на Буриберди и Бурикана, которые были правителями народа асов». Затем идет описание больших трудностей в преодолении горных массивов, штурме множества крепостей, сооруженных на недоступных скальных утесах. Эти события и крепости многие исследователи справедливо локализируют на территории Балкарии. Этот факт прекрасно совпадает с тем, что знаменитый географ и историк XIV в. Абул-Феда писал, что в те времена на Цент-

ральном Кавказе, вблизи Дарьяльского прохода, жили тюркоязычные племена асы.

Жестокие события связаны в истории народов Кабарды и Балкарии с пронсками вновь образовавшегося в XIV—XV вв. Крымского ханства, проводившего на Северном Кавказе политику Османской Турции. «Не проходило и года,— пишет Жан де Люк,— чтобы крымские ханы не совершали набега на черкесов и других горцев Северного Кавказа». Так, в 1545 и 1547 гг. хан Сагиб-Гирей опустошил земли Кабарды. В 1552 г. Девлет-Гирей разорил земли «пятигорских черкесов» за то, что те хотели «бить челом русскому царю».

В середине XVI в. начинают складываться первые русско-кавказские контакты. Они приобретают характер межгосударственных с образованием Русского Централизованного государства и присоединением к нему Астраханского и Казанского ханств (1552, 1556 гг.).

В 1552 и 1555 гг. в Москву дважды прибывали адыго-кабардинские посольства, которые от имени своих народов и «всей земли черкасской», первыми среди народов Кавказа, били челом, чтобы присоединиться к России. Следующее посольство, тщательно подготовленное главным князем Кабарды Темрюком, прибыло в Москву с такой же просьбой в июле 1557 г. Это посольство официально оформило добровольное присоединение Кабарды к России, которое явилось крупным поворотным событием в истории народов Кабарды и Балкарии.

Тонкий и дальновидный политик Темрюк в сложных политических условиях XVI в. со знанием дела распорядился своими кровнородственными возможностями. Выдав дочь Кученей (Марию) за Ивана Грозного, вторую дочь Алтынчач (тюркск.: Златокудрая) за астраханского царевича Бекбулата, а третью дочь Малхуруб за ногайского князя Тинехмета, сына хана Измаила (Кушева Е. Н., с. 235), Темрюк Идаров умело использовал эти политические каналы в своих интересах в борьбе как с другими кабардинскими князьями, так и с соседними народами региона.

Политика Темрюка вызывала недовольство его противников, искавших союза с Крымским ханством. Главным противником его был Пшеапшоко Кайтукин и шамхалы Тарковского княжества Дагестана. Вражда с ними вынуждала Темрюка часто обращаться к Москве с просьбой защитить его владения от недругов.

Эти просьбы не оставались без внимания. Царь направлял в Кабарду войска, которые помогали Темрюку наголову разбить своих врагов. Для укрепления владений Темрюка в 1567 г. в устье р. Сунжи была построена крепость Терки, в которой обустраивались казаки и войска.

Прочные русско-кабардинские отношения значительно способствовали установлению и развитию русско-грузинских, русско-дагестанских, русско-осетинских, русско-чечено-ингушских связей.

Русско-кабардинские отношения XVI—XVII вв. изучены довольно обстоятельно, изданы в двух томах документы, этому вопросу посвящены монографии, ряд статей и пр. Напротив, русско-балкарские связи подробно не изучались и не отражены в научной литературе, хотя документы намекают, что в составе отмеченных посольств могли быть представители балкарского народа. На такую мысль наталкивает, кроме всего прочего, и имя некоего Булгар-мурзы (Булгарьи-мурза) в составе посольства 1558 г., названного в числе «детей Темрюка». Но поскольку среди сыновей Темрюка, да и вообще в родословных списках кабардинских князей, не числится названный мурза, постольку термин «дети Темрюка» имеет своим источником некие политические взаимоотношения Булгарьи-мурзы с Темрюком. Более того, в названии имени нетрудно увидеть и этноним *болкар*, трансформированный в «Болгар-мурза». Так или иначе, вполне очевидно, что данный вопрос нуждается в серьезных дополнительных исследованиях.

Русско-балкарские контакты во многом способствовали расширению, укреплению и успешному развитию русско-грузинских связей, имевших огромное значение как для России, так и для Грузии в сложных международных условиях XVI—XVII вв.

Одним из первых письменных документов балкаро-грузинских контактов является надпись рубежа XIV—XV вв. на золотом кресте Спасской церкви в сел. Цховати Ксанского ущелья. Она гласит, что некий эристав Ризия Квенипновели сделал пожертвование этой церкви в память о том, что он попал в плен в Баснани (Балкарию) и был выкуплен на средства святой церкви.

В связи с необходимостью налаживать контакты с Грузией и ее отдельными княжествами Россия приступает к тщательному изучению гор Центрального Кав-

каза, одновременно разыскивая здесь и различные ископаемые руды. В результате этого имя балкарского народа попадает в русские документы. 11-го января 1629 г. терский воевода И. А. Дашков сообщает в Москву, что «в горах по реке Сукан-су и Черек имеются серебряные руды и что тем местом «Балкар» владеют балкарские мурзы Абдаулла и Апши», мать которых была сестрой ведущего кабардинского князя Пшимахо Канбулатовича Черкасского.

В 1639 г. русские послы Павел Захарьев и Федот Елчин шли в Имеретию и обратно по Баксанскому ущелью, через перевал Донгуз-орун. На этом пути они недалеко от современного г. Тырнауза, в местности Эль-Журт, 15 дней гостили у карачаевских князей Крымшаухаловых и показывали им специальные, отдельные от кабардинских князей, грамоты русского царя. Такие же грамоты показывали послы 1650 г. Толочанов и Иевлев, прошедшие через Балкарию по рекам Сукан-су и Череку, по перевалу Гезе-ыфцык в Имеретию и обратно. В Балкарии их радушно встречал, снабдил вьючными лошадьми и провизией тот же балкарский владетель Абдаулла (Айдабол) и Алибек.

Артутай Айдаболов сыграл огромную роль в налаживании русско-грузинских и русско-балкарских отношений. Дело в том, что для успешного развития контактов с Грузией Россия могла пользоваться в то время только услугами Кабарды и Балкарии, так как посольники Персии и Турции — крымские ханы, тарковские шамхалы Дагестана объединенными силами перекрывали все пути этих сношений. Весной 1658 г. кахетинский царь Теймураз выехал в Москву для переговоров. В Балкарии, через которую пролегал путь этого посольства, к Теймуразу присоединился известный балкарский князь Артутай Айдаболов. Личность его, как нового партнера в налаживании русско-грузинских отношений в процессе предыдущих посольств, вызвала живой интерес в столице России. Этот интерес усиливался и лестными отзывами послов Толочанова и Иевлева.

Артутай безотлагательно был принят государем Алексеем Михайловичем и паравне с Теймуразом высоко был одарен «сорока соболями стоимостью в сорок рублей». Артутай пробыл в Москве около года. Хотя прямых документов их беседы с царем не обнаружено, нет сомнения в том, что они прежде всего касались судь-

бы балкарского народа в ту тяжелую эпоху и затрагивали вопросы, интересовавшие и Россию, и Балкарию. Это тем более вероятно, что беседы проходили при Теймуразе, который решал вопросы присоединения Грузии к России.

Ровно через 35 лет после описанных событий в Россию бежал имеретинский царь Арчил, гонимый с престола как внутренней междоусобицей, так и натиском Турции и Персии. Путь его пролегал, как и путь Теймураза, через Балкарию в Терки. По дороге в Терки на Арчила напали отряды тарковского шамхала Будая и князя Малой Кабарды Кульчука Келембетова. Напавшие на Арчила северокавказские владетели в сложной международной обстановке того периода придерживались — первый персидской, а второй крымско-турецкой ориентации. Арчил находился у них в плену с сентября — октября 1693-го по ноябрь того же года. Шамхал Будай готовился выдать его персидскому шаху, а Кульчук хотел отдать его крымскому хану. Однако «красота и мужество Арчила сделали такое впечатление на жену Кульчука, что ночью она доставила ему средство к побегу: он скрылся в Басян, а его люди ушли в Дигор», — повествует документ.

В Терках 28 ноября 1693 г. встретились архимандрит Лаврентий, прибывший из Москвы и следовавший с другими грузинами в Имеретию, и другой духовный сановник по имени Николай, состоявший в свите Арчила. Последний и рассказал о покушении и пленении Арчила и «его бегстве в Балкарию, т. е. в страну при истоках Малки». Но конкретное место обитания Арчила оставалось в строжайшей тайне. Когда к Кульчуку явился посол от шамхала Будая с требованием выдать Арчила, последнего в Терках уже не было. Кульчук, боясь расплаты, скрылся бегством, а разъяренный Будай ворвался в его владения, «сжег его дом, потравил весь хлеб и угнал скот». Сыщики шамхала рыскали по всей Кабарде, но найти Арчила не смогли.

Астраханский воевода Петр Иванович Хованский был уведомлен о случившемся с Арчилом только в январе — феврале 1694 г. прибывшими к нему горцами и терским воеводой. Небезынтересно отметить, что теми горцами были: «Азамат мурза Елмурзин сын Байтереков, да Кошкарин, да Тлев Уразаев». Узнав о том, что для нового пленения Арчила на помощь шамхалу тарковскому

крымский хан выслал отряд из 500 человек, и что на сторону врагов Арчила встали донские казаки, князь Хованский поднял на защиту Арчила «все племена, признававшие власть московского государя».

В своем письме от 15 апреля 1694 г. Арчил писал терскому воеводе, «что находится в Балкари и чтоб его оттуда вывели». Однако вывести его оттуда удалось лишь в сентябре 1696 г. В письме от 20 мая 1696 г. Арчил писал на имя «наследственных самодержцев всея России, великим князьям Иоану Алексеевичу и Петру Алексеевичу», что он находится в Балкарии и описывает, как это случилось: «В 1692—1693 годах мы не обращались с просьбою к государям, не требовали подпоры и вооруженной помощи. Но в Кабарде напали на нас сын шамхала и Кульчука-Мирза, едва не убили нас: мы обязаны спасением только Богу и вашему чистому праву. Теперь я не могу ни осгаваться здесь, ни прийти к вам, под руку, без вооруженной помощи». Письмо это было получено государями 5 сентября 1696 г., а имеющиеся сведения говорят о том, что осенью того же года Арчил вновь занял свой престол в Имеретии. Из приведенного эпизода вытекает, что Арчил пробыл в Балкарии около трех лет — с ноября 1693-го по сентябрь 1696 года. Таким образом, описанные факты говорят о глубоких исторических корнях грузино-балкарских и русско-балкарских взаимоотношений.

Подводя итог изложенному, можно сказать, что эпоха XVI—XVII вв. является для истории кабардинского и балкарского народов крупным поворотным этапом, который вывел их на широкую историческую магистраль в будущее.

Глава V

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В XIII—XVIII веках

В XIII—XIV вв. на Северном Кавказе происходят коренные изменения. Многократные походы монголо-татарских войск через северокавказские земли, рейды во внутренние области, а затем такие же погромы армий Тимура — все это самым пагубным образом отразилось на экономике, культуре и социальном развитии народов Кабардино-Балкарии. По всему региону шел двуединый процесс — рост кочевий для захватчиков за счет роста запущенных земельных угодий коренных обитателей края.

Северный Кавказ вместе с Юго-Восточной Европой превращается в кочевья золотоордынских ханов. Северокавказские земли, богатые пастбищами и плодородными пахотными угодьями, теперь составляют часть Джучиева Улуса, или Золотой Орды. Здесь ее ханы разбивают свои ставки. Об этом красноречиво говорит тот факт, что в 1318 г. князь Михаил Тверской был вызван ханом Узбеком «в ставку на реке Сивинце» (р. Сунжа.— *И. М.*).

Большие средневековые города Верхний и Нижний Джулаты, у нынешних станицы Змейской и г. Майского, были переименованы в Татартуп, т. е. «Стан тагаров». Прежде это были богатейшие города, где армия Тимура запасалась «провизией из тамошних зерновых запасов». Теперь же, после погромов Тимура, они прекращают свое существование. Народы Северного Кавказа, в т. ч. и Кабардино-Балкарии, и их земли оказались втянутыми в систему военно-политический органи-

зации Золотой Орды, за что и были разорены Тимуром. В конце XIV—начале XV в. предгорная полоса Северного Кавказа, прежде населенная аланами, покрывается густой сетью кабардинских курганов вплоть до р. Сунжи.

Основным занятием кабардинцев и балкарцев в описываемую эпоху по-прежнему оставались скотоводство и земледелие, значительно подкрепляемые охотой, бортничеством, садоводством, рыболовством, различными ремеслами и промыслами. Однако не все эти виды хозяйства имели одинаковую значимость в экономике народов. В зависимости от сложившихся в домонгольское время хозяйственных навыков, а также в силу различных физико-географических и климатических условий — в горах и на равнине, доминирующим занятием являлось либо скотоводство, либо земледелие, либо сочетание того и другого. В зависимости от этих же условий определялся удельный вес различных промыслов и подсобных занятий.

Земледелие. Основным земледельческим районом являлась предгорно-плоскостная зона, т. е. Кабарда, но посильной обработкой земли и горным земледелием занимались и жители гор — балкарцы.

Определенное представление о земледелии этих народов дают археологические материалы. На ряде домонгольских поселений часто обнаруживались железные лемехи от плугов, мотыги, серпы, каменные зернотерки, жернова ручных мельниц, ступы, песты и пр. В ряде кабардинских курганов, например, у сел. Старый Черек, археологи находили зерна проса. Истлевшие зерна ячменя исследователи обнаруживали и в средневековых склепах Балкарии.

О развитии земледелия свидетельствуют обширные террасовые поля на склонах гор, неоднократно отмеченные многими авторами. Об этом же говорит и система поливных каналов, водопроводов из глинобитных, гончарных, деревянных труб на горных поселениях, а также наличие глубоких зерновых ям на поселениях и городищах Кабарды и крепостях Балкарии.

По сообщениям письменных источников, распространенной культурой у кабардинцев было просо, а у балкарцев — ячмень. Эти культуры хорошо известны в устном народном творчестве, в т. ч. и нартском эпосе балкарцев и кабардинцев.

Судя по сообщению Интериано (XV в.), у черкесов пахота велась на быках, а зерно они мололи на ручных каменных мельницах. Н. Витсен и Тавернье (XVII—XVIII вв.) говорили, что адыги «не обрабатывают несколько лет подряд одно и то же поле, а переносят ежегодно свои плантации с места на место». Это свидетельствует о навыках переложной системы земледелия уже в описываемую эпоху.

В 1235 г. доминиканский миссионер Юлиан сообщает, что «в Алании во время пахоты все люди одного селения при оружии вместе идут на поле». В его сообщениях интересен и другой факт: когда путешественникам было необходимо из-за большой нужды продать нескольких своих работников, чтобы остальные могли продолжить путь, то им это сделать не удалось, «так как никто не умел ни пахать, ни молоть». Один из их работников «умел делать ложки и кое-что другое, за что иногда они получали немного проса».

Иосафат Барбаро (XV в.), говоря о стране «Кремух», рядом с которой живут «кавертейцы и асы», пишет, что «земля их изобилует хлебом, скотом и медом». В 1634 г. о наличии у них проса и другого зерна пишет Дортелли д'Асколи. Об этом же писал Жан де Люк. Сведения о земледелии у народов Кабарды и Балкарии XIII—XVII вв. имеются у Феррана, Кемпфера, Мотрэ и других авторов интересующей нас эпохи.

Все сказанное достаточно свидетельствует о роли земледелия в хозяйстве народов нашей республики в далеком прошлом.

Скотоводство являлось основным видом хозяйственной деятельности, основой всей экономики названных народов. Какова бы ни была доля земледелия, оно все же не могло заменить собой экономического значения скотоводства, которое было развито и формировалось здесь на протяжении многих тысячелетий.

Различные изображения скотоводческого быта, находки большого количества остеологического (костного) материала, предметов по уходу за скотом, по обработке продуктов скотоводческого хозяйства, обнаруживаемые археологами, убедительно говорят о доминирующей роли скотоводства в общей системе хозяйства кабардинцев и балкарцев. Скот обеспечивал их всем необходимым — продуктами питания, кожей и шерстью

сти и приготовления тканей, войлоков, ковровых изделий, бурок, башлыков и другой одежды.

Высокому уровню развития скотоводства способствовала богатая кормовая база — прекрасные альпийские луга в горах и богатейшие речные долины, изобилующие сочными травами на равнине и в предгорьях.

Народы Кабарды и Балкарии разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, свиней, домашнюю птицу. Кости этих особей являются постоянными находками археологов.

Побывавший в Предкавказье в середине XIII в. Плано Карпини пишет, что «его жители очень богаты скотом — верблюдами, быками, овцами, козами, лошадьми, а выючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет в целом мире». Иосафат Барбаро дополняет это словами о том, что в тех краях «разводили прекрасных быков, что их хватило бы вполне даже на итальянские боины». Особое удивление вызывали у путешественников бараны с огромными курдюками, которые позднее получили название «карачаевской породы» и восхищали даже лондонских гастрономов. Выдающихся успехов народы Кабардино-Балкарии достигли в области коневодства. Интериано писал об адыгах, что «часто они готовы отдать все свое имущество за коня, который им приглянется, и нет у них вещи драгоценнее хорошего коня». Эту же оценку продолжает Тавернье в следующей формулировке: «Их главное богатство заключается в стадах, в особенности в прекрасных лошадях, очень сходных с испанскими. Они имеют, кроме того, большое количество коз и овец, шерсть которых так же хороша, как и получаемая в Испании, так что московиты приходят и закупают ее для выделки войлока». Почти то же говорит и Кемпфер: «Их главное богатство состоит в скоте и особенно в прекрасных лошадях, которые ценятся наравне с испанскими, затем в козах и овцах, из шерсти которых москвичи изготавливают войлок».

В скотоводстве, как и в земледелии, проявляется вертикально-зональное размещение, дифференциация хозяйства. В горах разводили в основном мелкий и в меньшей мере крупный скот. В предгорьях и степи доминировало разведение быков, коров, лошадей и меньше коз и овец.

О значительной роли овцеводства в Балкарии свидетельствует и древний пастушеский двадцатиричный счет, который соседние пастухи, например осетинские, категорически именуют «балкарским счетом». Кроме того, пастухи-овцеводы пользовались и специальными деревянными бирками с зарубками, как и древнетюркские племена Дебо.

Скотоводство было отгонным. На весенне-летний период скот отгоняли на горные пастбища, зимой содержали в стойлах, а иногда на околоаульных выгонах. Выгон на зимние пастбища практиковался в горных районах. Зимой со скотом уходили только мужчины, а летом и женщины, и целые семьи.

Большая роль скотоводства в жизни этих народов отражена в эпических сказаниях, детских играх, ритуальных танцах и пр. Скотоводство нашло отражение и в народном календаре, празднествах, обрядах и обычаях. Например, первый ягненок сезона у балкарцев приносился в жертву покровителю овец Аймушу, чтобы был хороший приплод. Жертвенный ягненок назывался *Тёлю баш* — «Глава приплода».

У адыгов божеством—покровителем коней и наездников был Зейгут, покровителем овец — Емыш, покровителем рогатого скота — Ахин, покровителем пахотных волон — Хакусташ и т. д. Покровителем овец у балкарцев, как отмечено, являлся золоторогий Аймуш, а покровителем крупного рогатого скота — Долай.

Этот пестрый пантеон божеств красноречиво говорит об огромной роли скотоводства в жизни балкарцев и кабардинцев. В поверьях наших народов широко развиты заклинание, заговаривание скота, чтобы уберечь его от хищных зверей. Практиковались народная ветеринария, система оберегов и т. д.

У кабардинцев и балкарцев особо отмечался день выхода на сенокос. По словам Ш. Ногмова, кабардинцы месяц август называли «сенокосным месяцем», а у балкарцев, например, сентябрь считался месяцем «стрижки овец», октябрь был месяцем мясных заготовок на зиму.

Все сказанное довольно хорошо иллюстрирует большую значимость скотоводства в жизни кабардинцев и балкарцев.

Ремесло. Монголо-татарские погромы 1222—1240 гг. нанесли существенный урон и этому виду хозяйственной

Сабли из кабардинских курганов

Кабардинский курган XIV—XVII вв. содержит набор оружия — длинные сабли, лезвия которых нередко превышают 1 м, колчаны с десятками стрел, кинжалы, ножи, ножницы для стрижки овец, железные кресала, скобы для скрепления деревянных погребальных колод и другие предметы ремесленного производства. Почти те же предметы обнаруживаются в балкарских захоронениях, за исключением сабель.

Кабардинские и балкарские женщины XIII—XVII вв. широко пользовались различными ювелирными изделиями — перстнями, серьгами, кольцами, браслетами и др.

Захватчики сгоняли тысячи мастеров из завоеванных стран в свои ставки, города Золотой Орды и летние кочевья.

В XIII—XIV вв. в городах Золотой Орды — Сарае Берке, Маджарах, Астрахани и др. — сложились целые кварталы потомственных ремесленников — выходцев с Северного Кавказа и из России. Современник Ибн-Баттута сообщает, что в Сарае живут разные народы, как то «асы, которые мусульмане, кипчаки, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их». Есть сведения, что там были и черкесские кварталы ремесленников.

Судя по археологическим находкам, ремесленники обрабатывали камень, кость, дерево, шерсть и кожу, железо и другие металлы. Широко практиковалось золотошвейное мастерство и пр.

Почти каждый кабар-

Стрелы из кабардинских курганов

По заключению специалистов лаборатории естественных методов института Археологии АН СССР, на основе анализа железных предметов из памятников Кабардино-Балкарии можно утверждать, что в основе кузнечной технологии того периода лежит свободная ковка металла с последующей тепловой обработкой гото-

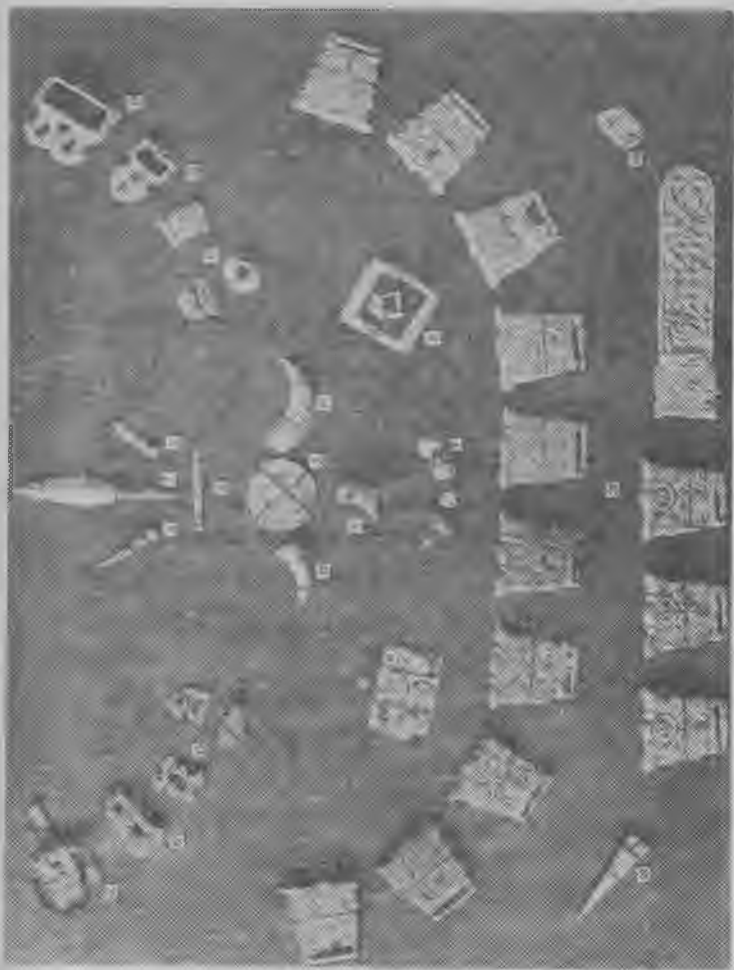
вых изделий. Это относится как к предметам быта (скобы, кресала, ножи, ножницы), так и к предметам вооружения (сабли, стрелы, кинжалы).

Среди археологических памятников известны железоплавильни, выработки недалеко от сел. Верхний Чегем, у ледников Дых-тау и Хрум-кьол и др. От одного из рудников у Дых-тау сохранились следы выработок, «крепленные деревянными стойками и пилеными досками». В Чегемском ущелье, по словам Гюльденштедта, добывали свинец и изготовляли порох. По словам Кемпфера, черкесы «очень трудолюбивы и добывают даже железо». Вероятно, под «черкесами» автор подразумевал и горские племена, так как на равнине, на исторической территории кабардинцев, не известны железные рудники. Объединение под термином *черкес* многих кавказских народов региона практиковалось даже в академической науке вплоть до конца XIX в. Известно, например, что Президент Петербургской Академии наук А. Я. Купфер еще в 1830 г. черкесами называл жителей карачаевского аула Схауат и указывал, что они показывали ему свои древние рудники.

Упомянувшийся Интериано писал, что черкесы сами делали свои стрелы «и в целом мире не найти стрел, которые хватали бы так далеко и имели бы столь закаленное острие». Уместно отметить, что крымский хан в 1547 г. возложил на кабардинцев дань, в числе которой были указаны панцири. А Интериано писал, что черкесы даже «спят в кольчугах и панцирях».

О том, что кузнечное дело пользовалось большим почетом, может свидетельствовать и тот факт, что кузница у кабардинцев и балкарцев представлялась священным местом, существовали культ железа, покровитель кузнечного дела и кузнецов. У балкарцев таким покровителем был первый нартский кузнец Дебет Златолий, а у кабардинцев таковым был Тлепш.

В не меньшей мере было распространено ремесло по обработке камня. В камнерезном искусстве прежде всего необходимо отметить небывалое мастерство, проявленное при строительстве многочисленных склепов-мавзолеев и усыпальниц, уникальных оборонительных сооружений — башен, крепостей, замков, сооруженных казалось бы в немыслимых труднодоступных местах горных утесов. Такое же мастерство мы наблюдаем и в различных каменных изображениях языческих божеств,

Находки в средневековых погребениях Кабардино-Балкарии

ритуальных каменных изваяниях, надгробных каменных стелах с замысловатым орнаментом и пр.

Большого мастерства достигли народы Кабарды и Балкарии в обработке дерева. Из него изготовлялась в основном вся домашняя посуда, так как гончарное ремесло к этому периоду, видимо, пришло на территории нашей республики в упадок, и керамических изделий в:

Деревянная домашняя утварь балкарцев

археологических памятниках рассматриваемого времени почти нет.

Из дерева изготовляли предметы быта: посуду, прялица для веретен, туалетные гребешки и гребни для обработки шерсти, предметы для обработки кожи, различные шкатулки и пр. Об умении обрабатывать дерево свидетельствуют и отлично выполненные погребальные колоды, выдолбленные из цельных стволов, составные гробовища, скрепленные посредством точно рассчитанных пазов и шипов, и другие изделия.

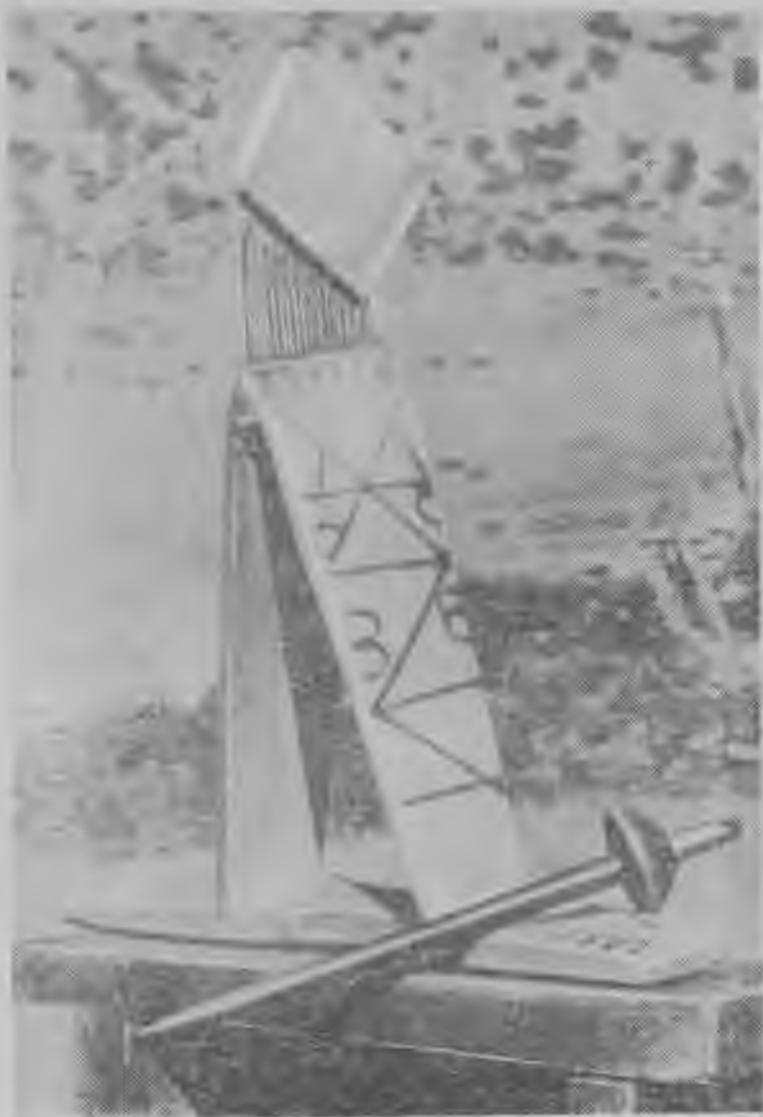
Столь же распространенным было ремесло по обработке кости, из которой изготовлялись различные предметы быта, украшения, поделки, пуговицы, наконечники для сельхозорудий и т. п.

Обнаруживаемые при раскопках обрывки домотканых тканей и изделий из них, остатки войлочных предметов, фрагменты дубленой и сыромятной кожи и изделия из нее говорят об уровне развития этого вида ремесленного производства.

Образцы средневековых тканей

Особого искусства достигли женщины в золотошвейном рукоделии. Интериано писал, что они «не занимались никакими другими работами, кроме вышивания

Балкарские орудия для обработки шерсти

или ткань, красиво вышивая кисеты для огнива и кожаные пояса». Тавернье и Асколи пишут о кабардинках, что они вышивают золотом и серебром «седла, накладки

колчанов и футляров для луков, башлыки и носовые платки». Исследователи и путешественники не раз восхищались мастерством женщин Кабарды и Балкарии в искусстве рукоделия. Например, неоднократно отмечали, что балкарки не бросают своих веретен даже по пути в соседнее село. Эта характеристика дословно повторяет слова римского дипломата и историка Ув. Приска Панийского, сказанные о гуннских женщинах, что они, как отмечалось, «никогда не покидают своего веретена».

Все приведенные факты говорят о глубокой исторической традиции ремесленного производства у народов Кабардино-Балкарии.

Промыслы играли в экономике названных народов не меньшую роль. Среди них на первое место выходит традиционная охота, о чем красноречиво говорят находки костей различных животных, в т. ч. медведей, кабанов, оленей, туров, барсуков, зайцев, лис, волков и др. Мясо некоторых из них употребляли в пищу, шкуры шли на шитье одежды, кости использовались для изготовления предметов быта, различных оберегов и т. д. Клыки кабана, например, использовались для разглаживания и утюжения швов различных изделий, клыки волка, лисы, медведя служили в виде подвесок-амулетов, оберегавших от различных болезней и сглаза.

Охота нашла глубокое отражение в фольклоре и народных поверьях, по которым покровителями охоты и охотников были у кабардинцев Мезитха, а у балкарцев Абсаты. Каменные изображения этих божеств известны в различных районах нашей республики, а одно из них хранится во дворе краеведческого музея в г. Нальчике.

Есть определенные свидетельства и о рыболовстве. Среди археологического материала нередко глиняные грузила для сетей, обнаруживаемые в слоях XIII—XIV вв. на поселениях по берегам Терека. Шипы осетровых рыб были найдены и на высокогорном городище у сел. Верхний Чегем.

Средневековые авторы, имена которых уже несколько раз упоминались, часто говорят о наличии у народов Кабарды и Балкарии того времени «много меда», о развитии у них бортничества. Отмечались также и различные садоводческие культуры, являвшиеся хорошим подспорьем в экономике.

Торговля. Немалое место в экономике кабардинцев и балкарцев занимала торговля. Об этом достаточно сведений в археологическом материале XIII—XVIII вв. В кабардинских курганах и памятниках балкарцев очень часто находили обрывки шелковых и шерстяных тканей, привозные самшитовые гребни, цветные камни для инкрустации перстней, колец, серег, а также сердоликовые, халцедоновые, пастовые и стеклянные бусы и мн. др. В некоторых кабардинских курганах в Пятигорье найдены золотоордынские монеты, а в могильнике у сел. Ташлы-Тала были обнаружены турецкие монеты Ахмеда III (1703—1730 гг.), битые в 1703—1704 гг. в Константинополе и Мисре; монеты Махмуда I (1730—1734 гг.), чеканенные в Константинополе в 1730—1731 гг.). Но, несмотря на эти находки, торговля все еще оставалась меновой, о чем говорят слова современников: «...они не имеют монеты, а свои произведения обменивают». Причерноморские черкесы вели оживленную торговлю с генуэзцами, которые возили соль, рис, мыло, пряности, горчицу, хлопчатобумажные ткани, шелк, бархат, ковры, слоновую кость, золотые и серебряные украшения и фарфор. Взамен вывозили сало, меха, шерсть, войлоки, бурки, а также мед, воск, лес, фрукты и др. Обо всем этом говорит устав «Генуэзских колоний» 1449 г.

О широких торговых связях народов нашего края писали Интериано, Эль-Омари, Гюльденштедт и др. По словам Гюльденштедта, балкарцы вели оживленную меновую торговлю с соседними народами — сванами, грузинами, кабардинцами. Он писал, что «малканцы приходят с толстым сукном, войлоками и тому подобным на еженедельную ярмарку в Они, что в Радше (Рачи.— И. М.) при Риони, и выменивают тут бумажные материи и пр. Но тем более сношения имеют базианцы (балкарцы.— И. М.) с кабардинцами и получают в Кабарде, в случае нужды, оленей и всегда российскую соль, бумажные материи, холст и сафьян. Все сие выменивают они на шерсть, толстое сукно, рожь, войлоки, лисьи и куньи меха, серу, которую они добывают близ Устожирта (Хуштосырт.— И. М.) в Чегемском округе, и огнестрельный порох, ими самими приготовляемый».

Около 15 дней торговлей и «барышом занимался» один из послов Московского государства Ф. Елчин сре-

ди балкарцев и карачаевцев в 1639 г., следуя по Баксанскому ущелью в Грузию. Многие авторы говорят о существовании базаров в Пятигорье, куда съезжались купцы многих стран, в числе которых были и русские. В свою очередь купцы—черкесы и кабардинцы ездили по торговым делам в Москву. Так, Николай Варкоч, посещавший Москву в 1589 и 1594 гг., пишет, что в Москве «ведут торговлю многими превосходными товарами приезжие в большом количестве туземные и иностранные купцы из очень далеких краев... Кабардинской, Грузинской, Сибирской, Черкасской и других земель».

Приведенные материалы подтверждают существенное место и значение торговли в экономической жизни кабардинского и балкарского народов.

Социальная структура кабардинского народа изучена довольно хорошо, чего совершенно нельзя сказать о балкарцах.

После известных событий XIII—XIV вв. усиливается процесс продвижения адыгских племен из Причерноморья на юго-восток. Как наиболее активная их часть — кабардинцы выходят из Закубанья в плодородные и богатые долины Центрального Предкавказья. Заселение опустошенных монголами, а затем и Тимуром, пастбищных и пахотных угодий от Лабы и до Сунжи значительно способствует ускорению дальнейшего развития нараставших феодальных отношений в их среде. Все это способствовало еще более мощному скачку в социально-экономическом развитии кабардинского народа. В конечном счете это привело к значительному опережению кабардинцами соседних северокавказских народов. Именно поэтому они вызывали повышенный интерес к себе у молодого русского Централизованного государства, искавшего на Кавказе надежного партнера в сложнейших международных отношениях рассматриваемого времени.

Уже генуэзские документы XIV—XV вв. говорят о зихских князьях и правителях, а в XV в. Интериано и Барбаро упоминают о знатных княжеских родах. Этот факт подтверждают и русские документы XVI—XVII вв. В подчинении князей находились дворяне — *уздени*, свободные крестьяне — *тльфокотли*, крепостные крестьяне, в русских документах называемые *ясачными людьми*. Существовали и домашние рабы — *унауты*.

Средневековые мавзолеи в Балкарии

Средневековые мавзолеи в Балкарии

Крепость Болат-къала

При рассмотрении социальной структуры балкарского народа необходимо учитывать, что предки балкарцев — аланы в X—XII вв.— находились на стадии развитых феодальных отношений и раннегосударственного образования. А другая этническая группа их предков — асы — уже в XIV в. имела своих правителей, владевших неприступными и мощными крепостями и замками, которые с большим трудом пришлось покорять армии Тимура.

В 1967 г. автором этих строк была предпринята попытка объяснить социальную структуру балкаро-карачаевского общества с помощью археолого-архитектурных памятников рассматриваемого периода. Как известно, уже в памятниках XIII—XIV вв. у селений Верхний Чегем, Ташлы-Тала и других имеются очень разнящиеся по богатству инвентаря погребения, содержащие изделия из серебра, шелка, привозные вещи и т. п. В сравнении со множеством беднейших захоронений на тех же могильниках этот фактор проясняет многое в вопросах социального и имущественного расслоения общества. К XV—XVI вв. здесь имеются такие сильно укрепленные замки и крепости, как Зылги, Курнаят, Усхур, Болат-къала, Джабо-къала и др. В XVI—XVII вв. кня-

2-я башня Абаевых

Башня Балкаруковых

жеские фамилии балкарцев — Абаевы, Балкаруковы, Айдеболовы, Крымшаухаловы и другие — имели собственные мавзолеи-усыпальницы, грандиозные башенные сооружения, носящие фамильные и личные имена князей. Весьма показательно, что княжеские мавзолеи всегда находятся в окружении рядовых и очень бедных захоронений, как и башни, замки в окружении бедных саклей горцев.

Сооружение таких огромных архитектурных ансамблей, безусловно, требовало большой и умелой организации наемного, а скорее всего принудительного, труда.

Все эти факты говорят о том, что в балкарской среде в XIII—XVII вв. мы наблюдаем глубоко зашедший процесс социальной и имущественной градации, о котором свидетельствуют как сами памятники, так и документы XVI—XVII вв. В этих документах социальная верхушка именуется мурзами, владельцами, правителями. Грузинский историк и географ царевич Вахушти писал о Балкарии, что здешние овсы знатнее и почетнее других и что среди них имеются помещики и крепостные крестьяне.

Балкарские князья именовались *таубий* — «горский бий», а княжеское сословие называлось *басиат*. Последний термин восходит к этнониму предков хазар — *басил*, т. е. «главный народ». Вероятно, от этого же этнонима происходит и грузинское название балкарцев — *басиани*.

Балкарская социальная знать объединялась термином *Ак-сюек* — «Белая кость». Таким же термином именовалась социальная верхушка древнетюркских племен еще в VII в.

За таубиями и баснатами в балкарском обществе идут *уздени* — свободные общинники, владевшие собственным хозяйством и живущие своим трудом. Вероятно, поэтому они и называются *ёз+ден*, что буквально означает «от себя», «самостоятельно». Рожденные от брака таубия и узденя именовались *чанка*. В домашнем быту эксплуатировались рабы — *кзул*, *кзарауаш*.

Многие исследователи устанавливают, что в Балкарии XV—XVII вв. уже шел процесс феодализации. Но тщательное изучение этой проблемы остается насущной задачей историков Кабардино-Балкарии.

Феодальные отношения в Кабарде и Балкарии были тесно переплетены и скрыты под вуалью различных

пережитков родового строя. Кресторечивым проявлением этого являются такие институты родового строя, как *левират* — женитьба на вдове близкого родственника мужа, а также институт аталычества, название которого происходит от термина *аталыкъ*, т. е. «замещающий отца». По этому обычаю ребенок, особенно мальчик, отдавался на воспитание до совершеннолетия в семью низкого сословия или родственника. В связи с этим интересно отметить, что еще в 922 г. подобный институт был описан Ибн-Фодланом у древних болгар в следующих словах: «Одно из их правил таково — если у сына какого-либо человека родится сын, то его берет к себе его дед, прежде его отца, и говорит: я имею больше прав, чем его отец, на воспитание, пока он не делается взрослым мужем».

Такова краткая характеристика социального строя и экономики народов Кабарды и Балкарии в XIII—XVII вв.

Глава VI

ОЧЕРК МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ XIII—XVIII веков

Материальная культура народа представляет собой совокупность различных предметов, изделий и сооружений, созданных трудом человека и служащих ему в повседневном быту. Ее неотъемлемыми элементами являются поселения и жилища, одежда и украшения, пища и утварь, орудия труда и оружие, архитектурные памятники и многое другое. Все они, вместе взятые, отражают уровень экономики и культуры, способ хозяйствования и торговые связи народов, так как каждая вещь представляет собой совокупность многих свойств и может быть полезна различными своими сторонами. Развивая эту мысль, можно сказать, что остатки средств труда имеют такое же важное значение для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций, как строение останков костей для изучения организации исчезнувших животных видов.

В этом смысле памятники археологии — вещи, некогда находившиеся в обращении в обществе как продукт или предмет человеческой деятельности, — не могут изучаться вне связи с общественной средой, внутри которой они были созданы и использовались. Комплекс археологических памятников позволяет нам судить о материальной культуре народа.

Отдельные отрывочные сведения о материальной культуре кабардинцев и балкарцев XIII—XVIII вв. содержатся в путевых заметках многих путешественников того времени. Среди них заслуживают особого внимания упоминавшиеся Иосафат Барбаро, который впервые называет имя *кавертейцы*, Джорджио Интериано, оставивший наиболее полное описание быта и культуры

адыгов XV в. Не менее интересны сведения Адама Олеария, Э. Кемпфера, Мартина Броневского, Яна Потоцкого, Яна Стрейса, Жана Батиста и др. И все же более полное представление о культуре народов Кабарды и Балкарии того периода мы получаем посредством археолого-этнографических памятников, в изучении которых в последние годы достигнуты определенные успехи. Раскопаны и изучены десятки архитектурных памятников, могильников, поселений и городищ, сотни кабардинских курганов. На базе данных археологии и этнографии, которые подкрепляются сведениями письменных источников, мы можем судить об уровне культуры средневековых народов Кабарды и Балкарии.

Поселения и жилища. Большим пробелом в археологическом изучении остаются кабардинские поселения, которые до сих пор не удается обнаружить. Это, вероятно, объясняется тем, что кабардинцы в ту эпоху быстро перемещались с места на место. Вследствие этого легкие жилища строились из плетня с соломенной или камышовой крышей. Поселения на одном месте долго не оставались, а следовательно, не оставался и культурный слой, по которому археологи изучают древние поселения и жилища.

Но этот пробел в некоторой степени восполняется теми скудными сведениями, которые мы находим у отмеченных путешественников. Так, о планировке адыгских и кабардинских поселений того времени можно судить по описанию и рисункам Тавернье, согласно которым поселения располагались по кругу со свободной площадью внутри для скота и колодца. Шора Ногмов писал, что адыги «издревле имели привычку располагать дома четырехугольником, так, что для четырех семейств делали одни ворота для выезда и выгона скота». Сведения о турлучных (плетенных из прутьев и ветвей) жилищах имеются и у Интериано, Олеария, Эвлия Челеби и др.

Таким образом, можно заключить, что в рассматриваемый период жилища кабардинцев представляли собой плетеные постройки, крытые соломой и камышом. Они имели несколько помещений, из которых одно постоянно принадлежало гостям. Как и в более позднее время, в каждую комнату вел отдельный вход. Каменных или земляных оборонительных сооружений вокруг селения не было. Но группы домов внутри селения и все

селение целиком «ограждались изгородями из дерева и кустарника», — пишет Эвлия Челеби, или «изгородями из сплетенных одно с другим деревьев», — как отмечает Жан де Люк.

Нет никакого сомнения, что дальнейшие целенаправленные поиски значительно дополнят эти сведения.

Письменных сведений того времени о планировке поселений и жилищ балкарцев пока что не обнаружено, но зато большой материал по этим вопросам получен в результате археологических раскопок. Здесь прежде всего надо отметить средневековое городище XIII—XIV вв. у сел. Верхний Чегем, расположенное в небольшом ущелье Лыкбарильги на берегу р. Жилги-су, и поселение XV—XVIII вв. Эль-Журт, находящееся в 3 км от г. Тырнауза вверх по Баксанскому ущелью. В этом поселении в семье карачаевских князей Крымшаухаловых 15 дней гостили русские послы 1639 г., следовавшие в Имеретию.

Балкарские поселения, как правило, располагались на солнечных склонах гор, были укреплены системой мощных оборонительных сооружений. Жилища строились из горного рваного камня, без связующего известкового или другого раствора. Размещались дома скученно, террасообразно, как и жилища более позднего времени. В центре жилища сооружался очаг, обставленный каменными, обработанными брусьями — *тыпырташ*. Вдоль стен всегда устраивались каменные лежанки — *тырхык*. Каковы были перекрытия домов того времени, судить трудно из-за разрушенности жилищ, но можно полагать, что они, как и в более позднее время, были деревянно-земляными и плоскими.

Как каждое городище или поселение в отдельности, так и каждое «Горское общество» средневековой Балкарии было укреплено системой башен, крепостей и замков.

Архитектурное наследие Кабардино-Балкарии в основном сосредоточено в горной Балкарии. К настоящему времени здесь сохранились 7 башен, носящих имена своих владельцев, — башня Балкаруковых в сел. Верхний Чегем, башня Амирхана, две башни Абаевых, фрагменты башни Шахановых в сел. Кюнлюм в Верхней Балкарии; башня Ак-къала у сел. Безенги и остатки башни Суюнчевых у сел. Холам. Кроме того, сохранились 3 крепости — Усхур-къала в Холамо-Безенгийском

Замок Джабо-Къала

ущелье, Болат-къала и Малкъар-къала у сел. Верхняя Балкария. Большой интерес представляют 3 замка — Курнаят и Зылги в Верхней Балкарии и замок Джабо-къала в Холамо-Безенгийском ущелье.

Перечисленные памятники делятся на две хронологические группы. Первая, куда входят Малкъар-къала, Болат-къала, Усхур-къала, относится к XIII—XV вв. Вторая объединяет замки Зылги, Курнаят, Джабо-къала и фамильные башни Балкаруковых, Абаевых, Амирхана, Суюнчевых, Шахановых, которые относятся к XV—XVII вв.

В Кабардино-Балкарии сохранился 21 надземный склеп. Кабардинцы называют их *Чешане*, а балкарцы *Кешене*. В отличие от подобных склепов чеченцев, ингушей, осетин, в которых хоронили до 60 и более покойных, склепы Кабардино-Балкарии содержат одно, максимум три захоронения и служат мавзолеями-усыпальницами князей и их близких. Склепы-мавзолеи Кабарды и Балкарии представлены тремя типами — круглые в плане и яйцевидной формы, как склеп Абаевых у сел. Ташлы-Тала; склеп в ауле Мухол в Верхней Балкарии. Второй тип — склепы прямоугольные в плане с двускатными крышами, как склепы Куденетовых у сел. Лачинкай, склепы у замка Джабо-къала у замка

Крепость Усхур

Курнаят, склеп Камгута Крымшаухалова на средневековом поселении Эль-Журт. В эту же группу входят четыре склепа у сел. Верхний Чегем. Третью разновидность мавзолеев-усыпальниц представляют склепы многогранные в плане и с пирамидальными крышами, как склепы Бековичей Черкасских у сел. Чегем II, четыре склепа у сел. Верхний Чегем и склеп у сел. Баксаненок.

Наиболее древними являются круглоплановые склепы, а также склепы у замка Курнаят и Джабо-къала, склеп Камгута, которые, судя по прилегающим к ним могильникам, относятся к XV—XVI вв. Остальные склепы датируются XVI—XVIII вв.

Все отмеченные памятники сложены из хорошо обработанных камней, на прочном известковом растворе, и свидетельствуют о высоком уровне строительного мастерства и большом умении организации труда в эпоху средневековья. Даже издавшие виды летописцы Тимура удивлялись тому, как были построены указанные выше башни и замки. По их словам: «У тамошних обитателей Эльбурза были крепости и укрепления на вершинах гор, и пройти туда было чрезвычайно трудно вследствие высоты их, которая была так велика, что у смотревшего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе

Мечеть XIV века на Нижнем Джулате

горы, как гнездо хищной птицы, на такой высоте, что пущенная стрела туда не долетала».

Многие из этих сооружений построены на таких участках, что даже современные исследователи добирались к ним при помощи альпинистского снаряжения. Невольно напрашивается вопрос: а как обходились древние строители, как доставляли они сюда камни, известковый раствор, деревянные балки для перекрытий? Все эти вопросы уже сами по себе говорят о высоком уровне организации труда.

Одежда. Археологический материал дает более полное представление о женской одежде, чем о мужской. Одежда описываемого времени до сих пор не являлась предметом специального исследования. Существующая этнографическая литература о народах Северного Кавказа почти не затрагивает одежду древнее XVIII—XIX вв.

Поскольку основой хозяйства кабардинцев и балкарцев было скотоводство, то для изготовления одежды шли прежде всего товары этой отрасли — шерсть, шкуры, кожи и пр. В археологических памятниках изделия из этих материалов сохраняются очень плохо, но тем не менее определенные находки позволяют воссоздать отдельные элементы одежды того периода.

Одной из замечательных находок является почти полностью сохранившаяся женская одежда XIII—XIV вв.

из могильника Байрым у сел. Верхний Чегем. Этот уникальный комплекс можно посмотреть в экспозиции краеведческого музея г. Нальчика, где он выставлен после реставрации в Государственном Историческом музее.

Головные уборы кабардинок и балкарок изготавливались из дубленой кожи, войлока и домотканого грубого сукна. Форма их в основном была круглая или многогранная с конусообразным верхом. Шапочка из Байрыма была изготовлена из войлока, имела 5-гранную форму в основании. Сверху войлок покрыт шерстяной тканью, а поверх нее шапочка накрыта легкой шелковой вуалью, из нее же на одной из граней шапочки был прикреплен пышный бант.

Верхнюю одежду представлял кафтан из грубой ткани с меховой оторочкой подола и рукавов. Под кафтаном была рубашка из шелковой ткани полотняного переплетения покроя «кимоно» с длинными рукавами. От горловины до талии рубашки идет разрез, вдоль которого нашиты мелкие металлические пуговицы и петли из тесьмы. Манжеты рукавов и подол рубашки были отделаны кружевами. На поясе прикреплены две петли из рулика, на которых подвешена туалетная сумочка, в которой лежали самшитовый гребешок и бронзовый орнаментированный наперсток. Под рубашкой находились широкие шаровары, сшитые из ластовиц и четырех равных полотнищ клетчатой полотняной ткани. Шаровары в талии, объемом 74 см, держались на шнурке.

Завершая описание этого костюма, отметим две пары кожаных сапожек. Одни из них представляли собой ноговицы из мягкой, отлично обработанной кожи, типа лайковых изделий. Другие являлись верхними сапожками больших размеров, украшены тисненым орнаментом.

У женщины из Байрыма хорошо сохранилась прическа — волосы заплетены в косы и уложены на голове в виде короны. В заплетенных косах видны два тонких шелковых шнурка, скреплявших прическу. Этим подробным описанием женского костюма мы обязаны реставраторам ГИМа — С. И. Скопинцевой и Т. Никиотиной.

Описанный костюм является уникальным памятником культуры средневекового населения не только Кабардино-Балкарии, но и всего Северного Кавказа.

Много фрагментов одежды найдено и в других памятниках республики. Интерес представляют кожаные, остроносые тапочки из кабардинских курганов у сел. Старый Черек, фрагменты шапочек, обрывки тканей, кожи, из которых шилась одежда.

Островежные дамские шапочки украшались металлическими, конусообразными навершиями, инкрустированными вставными камнями. Завершались они нередко лунообразными серебряными или позолоченными пластинками или обвивались крученой тесьмой и руликом. Лобная часть этих уборов украшалась различными орнаментированными диадемами из металлических пластин.

Неотъемлемой частью женского костюма являются многочисленные украшения — перстни, серьги, кольца, браслеты, поделки из кости, камня, дерева, железа, серебра и золота. Такую же часть их одежды и костюма составляли всевозможные железные ножички, ножницы (для стрижки овец и портняжные), двусторонние самшитовые гребешки, зеркала, различные нашивки, бляшки и пр.

Археологический материал свидетельствует, что многие детали позднейшего женского костюма кабардинок и балкарок формировались в рассматриваемое время. Это относится и к нагрудным металлическим застежкам, наборным поясам из пластинок, островежным шапочкам и т. п.

Небезынтересно отметить, что островежные конические шапочки носили еще скифские женщины в VII—V вв. до н. э. и женщины-аланки в VIII—IX вв. У кипчаков (половцев) подобные шапочки назывались «бокка», как и в детской речи балкарцев.

Фрагменты мужской одежды, представленные в археологическом материале, говорят, что она также шилась из домотканых шерстяных тканей, войлока, кожи, меха. Большой интерес представляет кафтан из курганов у ст. Белореченской, описанный В. П. Левашовой. Один из кафтанов доходил до колен, сходящиеся борта застегивались от ворота до пояса крупными пуговицами. Там же был представлен халат прямого покроя, однобортный, без воротника. Кроился он из четырех полотнищ, в боковые швы вставлялись длинные клинья.

Мужские шелковые рубашки «китайского покроя» из цветной ткани, ворот которых завязывался тонкой тесь-

мой, из балкарских средневековых склепов Верхней Балкарии описаны Г. Н. Прозрителевым. Находки остатков войлока и густоволокнистых тканей позволяют полагать, что уже в те времена были известны накидки из войлока или бурки.

Распространенный головной убор — башлык был известен еще скифам, очертания его встречаются в средневековых каменных изваяниях Северного Кавказа.

Географ I в. Страбон отмечает, что жители Кавказских гор «летом взбираются на вершины, подвязывая подошвы из воловьей кожи». Как нам кажется, здесь нетрудно видеть праобраз кабардинских и балкарских гоншарыхов и чабуров.

Судя по этнографическим данным, балкарцы в дождливую погоду использовали накидки — *гебенек*. Этот вид плаща бытовал у древних болгар, чувашей, алтайцев. Автор XIII в. Рашид ад-Дин пишет, что в дождливую погоду монгольские войска надевали «валянные из войлока капенеки».

Мужской костюм XIII—XVII вв. украшался различными нашивками, бляшками и пр. Особым украшением в национальном костюме кабардинцев и балкарцев являются *газыри*. По общему признанию этнографов, газырницы — это «карманы с мелкими отделениями, в которые вкладывали газыри — деревянные трубочки с заготовленными в них зарядами для огнестрельного оружия... К концу XIX в. в связи с появлением пятизарядной винтовки газырницы утратили свое значение и сохранились как украшение». Этим и объясняется их название *хазыр* — «готовый», вошедшее в литературу, как газыри.

Археологические данные о средневековой одежде кабардинцев и балкарцев дополняются отдельными сведениями путешественников. Интериано в своем описании Черкесии пишет: «Верхняя одежда адыгов делается из валяной шерсти, наподобие церковной мантии... На голове носят шапку из этого же войлока... Носят сапоги и ботинки, надеваемые одни на другие и очень нарядные, а также широкие холщовые шаровары».

В 1654 г. Арканджело Ламберти в описании Колхиды (Грузии) приводит одно интересное сообщение, что в бытность его в Колхиде какой-то народ напал на «московское царство, а часть его войск направилась на Кавказ, чтобы напасть на сванов и карачаевцев». При-

шельцы были разбиты, а среди убитых оказалось много женщин. Владетель Колхиды изъявил сильное желание, чтобы хоть одну из этих женщин доставили ему. Доставить живых женщин не удалось, но ему доставили несколько экземпляров их боевой одежды. «К панцирю внизу приделано что-то вроде юбки, которая достигает до колен; она шерстяная, наподобие нашей саржи, но такая ярко-красная, что похожа на самую тонкую порфиру. Обувь была покрыта крохотными кусочками белой меди, величиной не больше булавочной головки... Эти воинственные женщины, как мне передавали, обыкновенно воюют с татарами, называемыми калмуками».

Академик П.-С. Паллас, путешествуя в 1793 г. по Кавказу, среди прочих рисунков сделал зарисовки костюмов кабардинского княжеского сословия. Отличительной особенностью их боевого одеяния была «боевая юбочка» из плотной шерстяной ткани, скорее всего из войлока, ярко-красного цвета, обшитая по краям галунами. В собранном виде она прикреплялась к поясу с правой стороны. Более ранние сведения о таких юбочках дают среднеазиатские миниатюры XV в. Среди них есть изображения охотничьего костюма местных феодалов. В него входила короткая распашная юбка типа киргизской набедренной одежды — бельдемич.

Исследователи отмечают, что подобные юбки в прошлом служили боевым одеянием. В 1981 г. на Среднеазиатско-Кавказских этнографических чтениях было высказано мнение, что изображенные Палласом войлочные юбки кабардинских князей играли боевую защитную роль, как и бельдемич, и восходят к нему своим происхождением. В 1634 г. Эмиддио Дортелли д'Асколи подтверждает, что излюбленным цветом для мужской одежды у черкесов был красный. По его словам, «носят они верхнее платье до колен, рукава его сверху широки, снизу обтянуты и разрезаны или открыты вдоль, как у испанцев или французов. Чулки носят в обтяжку, башмаки узкие с одним швом спереди, без всяких украшений... Плащ из цельного куска материи, узкий около ворота, а внизу широкий, так что едва обрисовывает стан». Далее он говорит, что «замужние женщины прикрепляют к задней части головы как бы другую, набитую материями, так что они ходят словно с двумя головами. Девушки носят шапочки и распускают волосы».

В том же году монах Жан де Люк также отмечает красные рубашки из бумажных тканей, бурки из войлока и др. В 1668 г. Жан Батист Тавернье писал, что одежда черкесов «состоит из цветного платья, сделанного из хлопчатобумажной ткани...». Он также писал, что их женщины, как только выйдут замуж, меняют форму головного убора и «привязывают сзади головы толстую подушечку из войлока и закрывают ее белым покрывалом, сложенным в мелкую складку».

Описываемые Тавернье башмаки, «сделанные как сверху, так и снизу из сафьяна и имеющие только один шов», очень близки фрагментам тапочек, найденным в кабардинских курганах у сел. Старый Черек.

О войлочных плащах указанных народов говорит и Адам Олеарий в 1653 г. Его описания женского костюма, и особенно головного убора, повторяют сведения Интериано и Тавернье: «На голове у них двойные черные подушки, на которые они кладут сложенный бумажный платок или платок пестро вышитый, и затем все это связывают под подбородком. У вдов же сзади головы большие надутые бычачьи пузыри, обвитые пестрым флером или белою бумажной материей; издали получается впечатление, точно у них по две головы». Спустя 30 лет на Кавказе побывал Я. Я. Стрейс, описания которого почти повторяют сведения Олеария. Он, как и его предшественник, говорит об этих же «бычачьих пузырях» и что издали кажется, будто у них по две головы. Но добавляет, что зимой кабардинцы носят шубы, а летом ходят в одних рубахах — желтых, красных, синих или зеленых. Мужская одежда их состоит, по словам Стрейса, из «серого верхнего платья, поверх которого надевается бурка косматой, грубой шерстью наружу. Она завязывается или застегивается на пуговицу у шеи, чтобы ее можно было поворачивать в любую сторону». Почти то же самое об одежде адыгов, черкесов сообщает Энгельберт Кемпфер в своем труде, изданном в 1723 г.

Вот, пожалуй, и все сведения о средневековой одежде кабардинского и балкарского народов, которые мы можем почерпнуть из письменных источников и археологического материала.

Нет сомнений в том, что основные элементы мужского костюма изучаемых народов, распространенные в позднейшее время, формировались в рассматриваемую

эпоху. Здесь прежде всего отметим бурки, башлыки, черкески, которые, по общему мнению этнографов, «свое наименование получили от русских, которые впервые увидели ее на адыгах-черкесах...». Балкарцы этот вид одежды называют *чепкен*. Под названием *чекмен* она известна узбекам, киргизам, кубанским казакам. Термин *башлык* происходит от слова *баш* — «голова», и в буквальном переводе означает «наголовник».

Пища. Интересный материал дают археолого-этнографические данные о средневековой пище кабардинцев и балкарцев. Как и в истории других народов Северного Кавказа, этот вопрос почти не изучен и не обобщены материалы археологии, этнографии и письменных источников. Наша попытка и в этом вопросе является первой пробой систематизации разрозненного материала.

Пища является существенным элементом материальной культуры любого народа. Она формируется на протяжении всей его истории. В ней находят отражение такие важнейшие стороны жизни, как хозяйство, культура, исторические взаимосвязи с соседними народами на различных этапах развития.

Немаловажное значение в сложении всего комплекса пищи играет физико-географическая среда, фауна и флора исторической территории народа, поскольку все это накладывает существенный отпечаток на хозяйственную деятельность, которая непосредственно связана с производством продуктов питания. В силу всего этого пища больше, чем другой элемент материальной культуры, характеризует хозяйственный уклад народа.

Вместе с изменениями формы и содержания хозяйства менялась или существенно дополнялась и пища. В технологии ее приготовления, рецептуре и терминологии очень часто отражаются и важные этнические переплетения, смешения, взаимовлияния различных племен и народов, и более всего соседствовавших длительное время. Одним словом, развитие и формирование пищи, самого необходимого элемента материальной культуры, связаны с весьма существенными сторонами жизни народа.

Кухонная утварь, форма подачи пищи, ее употребление, почитание старших за трапезой, членение туши, особенно жертвенной, подача пищи по социальному и возрастному рангу участников трапезы, ритуальная пища, различные церемонии и суеверия, связанные с при-

готовлением и приемом пищи, и многое другое имеют огромное значение для освещения и более глубокого понимания быта, нравов и верований народов Кабарды и Балкарии XIII—XVII вв.

Кабардинцы и балкарцы издревле живут в предгорьях и горах Центрального Кавказа, являются традиционными скотоводами. Поэтому в их пище на первый план выступает мясо-молочная продукция. Земледелие значительно лучше было развито в Кабарде, а в Балкарии оно играло подсобную роль, вследствие чего мучная пища у первых была более распространена, чем у вторых.

Археологический материал не позволяет полностью восстановить средневековую кухню этих народов, но относительное представление о ней получить все же можно.

Употребление в пищу зерновых культур в XIII—XVII вв. подтверждается как находками зерен проса и ячменя в погребениях того периода, так и обнаруженными зернотерками, жерновами ручных мельниц, каменными ступами, пестами на поселениях и городищах.

Находки в памятниках множества костей домашних и диких животных говорят о том, что мясо этих животных составляло основу пищи названных народов.

Можно предполагать, что пища рассматриваемого времени вряд ли существенно отличалась от этнографически известной пищи XVIII—XIX вв. за исключением ограничений, внесенных исламом, и дополнений продуктами позднейшего огородничества.

Некоторые блюда балкарцев и кабардинцев представляют исторический интерес. Прежде всего различные виды заквашенного молока — айран, который был неотъемлемой частью повседневной пищи и неоднократно упоминается в нартских сказаниях, зафиксирован средневековыми авторами. Гильом Рубрук, путешествовавший в середине XIII в., писал, что «им дали выпить своего коровьего молока, которое было очень кисло; они называли его айра». В прошлом у балкарцев был распространен кумыс, который китайскими источниками отмечается еще у гуннов в первых веках н. э., а в XIII в. описан тем же Рубруком как молочный напиток у народов Предкавказья. Не усматривая прямой преемственной связи, все же следует сказать, что кислое молоко, различные сыры, столь широко бытовавшие у кабардин-

цев и балкарцев, знаменитый Геродот отмечает еще у скифских племен как их повседневную пищу. Он приводит слова скифского мудреца Анахарсиса о том, что завтраком и обедом для каждого скифа служат молоко и сыр. Разумеется, что в данном случае имеется в виду кислое, заквашенное молоко, так как вряд ли древним кочевникам удавалось сохранить молоко в свежем виде на длительный срок. Скифы называли сыр *иппак*, что очень созвучно алтайскому названию *пиштак* и балкарскому *бишлакъ*. Но вполне возможно, что скифское название восходит к общетюркскому термину *аппак* — «наибелый». Дело в том, что все молочные продукты у тюркских народов объединяются общим словом *акъ*, т. е. «белый». Вполне допустимо, что скифы называли сыр термином «наибелый», «чисто белый», т. е. *аппакъ*.

По сведениям Геродота, скифы изготавливали напиток *асхи*, название которого многие видные специалисты по древнегреческим источникам К. Мюлленгоф, В. В. Латышев, С. Я. Лурье связывают с тюркским словом *ачы* — «горький». Мне думается, весьма заманчиво сопоставить скифское слово *асхи* с балкарским термином *ицхи* — «напиток».

Традиционное блюдо кабардинцев, представляющее собой крутую кашу из просяной крупы, — *паста*. Она употребляется вместо хлеба с жирной мясной пищей, очень часто упоминается в трудах многих путешественников. Уместно вспомнить, что историк I в. Плиний пишет, что «просо любят в особенности жители Камнании (Кумании? — И. М.) и готовят из него белую кашу; делается из него также очень вкусный хлеб».

Балкарцы и кабардинцы в прошлом заготавливали впрок муку — *кзуут* из поджаренных зерен ячменя, позднее кукурузы и пшеницы. Эта мука готова к употреблению с айраном, сливками, молоком и маслом. В определенной степени ее можно сравнить с заготовленными впрок сухарями. Интересно, что тот же Плиний говорит: «...сарматские племена так же по большей части питаются этой кашей (пастой. — И. М.) и даже сырой мукой, примешивая к ней кобылье молоко». Безусловно, это под сырой мукой автор не разглядел *кзуут*, а под «кобыльим молоком» имел в виду *кумыс*.

Глубокую историческую традицию имеет широко практикуемое среди кабардинцев и балкарцев вяленое и сушенное на солнце мясо. Греческие и римские авто-

ры, описывая быт кочевников, часто говорят, что те питаются сырым мясом, которое долго возят у себя под седлом. Не может быть сомнений в том, что эти авторы не употребляли сушеное мясо, которое кочевники возили у седла вместе с айраном, сыром, маслом, мукой-къуутом. При таком снаряжении всаднику не было необходимости даже слезить с коня для утоления голода и жажды. А это имело очень важное значение при длительных переходах и кочевках.

Много интересных сообщений имеется у средневековых путешественников о мясном бульоне — *ляпс* и *шорпа*, которыми обязательно сопровождается мясо, подаваемое к столу. Столь же часто упоминаются и различного рода колбасные изделия кабардинцев и балкарцев, употребляемые в свежем виде. Среди них надо отметить *сохта* — колбасное изделие из свежей печени, почек, а также колбасное блюдо из свежего внутреннего жира, завернутого в кусочек рубца. Последнее блюдо кабардинцы называют *жарума*, а балкарцы, как и многие народы Алтая, Средней Азии, именуют его *жёрме*, т. е. «завернутый».

Особенно почетной долей при торжественных тризнах и жертвоприношениях считается голова животного и порция, содержащая лопатку туши. Вероятно, поэтому археологи так часто находят кости черепов и лопаток в святилищах и культовых местах.

Такова в общих чертах краткая характеристика средневековой пищи кабардинцев и балкарцев.

Утварь. Домашняя утварь рассматриваемых народов изготовлялась из дерева, кости, шкур и пр. Для изготовления различных предметов быта из этих материалов использовались топоры, пилы, молотки, стамески, зубила и мн. др., фрагменты и следы работы которых археологи обнаруживают при раскопках. Об этих орудиях труда и утвари имеются сведения в работах неоднократно уже отмечавшихся путешественников.

Широко использовались шкуры животных. Целиком содранная шкура овец шла на приготовление кожаных мешков — *гыбыт*, *тулукъ*, *къапчыкъ* и т. п. О таких мешках писали Плано Карпини и Гильом Рубрук.

Обработанные рога животных использовались, по словам Н. Витсена, в качестве стаканов. В археологическом материале часто встречаются фрагменты деревянных чашек, ложек, столиков-треножек и т. п.

Глава VII

О ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ XIII—XVIII веков

Духовная культура народа представляет собой совокупность всей системы его мировоззрения — идеологических представлений, уровень нравственных и правовых норм, норм поведения, системы воспитания и взаимоотношений людей, уровень развития искусства, фольклора, письменности, народного творчества, различных религиозных воззрений и верований и связанных с ними обрядов и обычаев, ритуальных игр, танцев, песен, восприятие окружающего мира и мн. др.

Уровень хозяйства, экономики и материальной культуры всегда определяет и влияет на духовную культуру, а все они вместе находятся в тесном взаимодействии. Известно, что уровень духовной культуры в решающей степени зависит от материальных основ культуры. Поскольку духовная культура находится в таком тесном взаимодействии со многими сторонами жизни, то изучение ее в большой степени помогает более глубокому осмыслению всей истории народа. К сожалению, духовная культура кабардинского и балкарского народов эпохи XIII—XVII вв. до сих пор еще не изучена и не систематизирована. Имеющаяся литература в основном описывает религиозные воззрения, отдельные обычаи и обряды этих народов, что никак не может дать полного представления обо всей системе духовной культуры кабардинцев и балкарцев.

Наивно было бы ожидать исчерпывающего освещения этой сложной проблемы и в предлагаемом кратком очерке. Наша задача более скромна — очертить круг элементов, составляющих духовный мир кабардинцев и балкарцев того времени, и остановить внимание на вопросах, слабо освещенных в нашей литературе.

Основой идеологических представлений является отражение действительности, и прежде всего определенных общественных интересов. В способах и формах этого отражения проявляется уровень психологического, нравственного, этического, а может быть, и этнического развития народа. Среди этих форм и способов отражения действительности немалое место занимают астрологические представления кабардинцев и балкарцев. Большой интерес заслуживает объяснение ими затмения солнца и луны: будто бы их пожирает некий дракон, воспользовавшись оплошностью их хранителей. Поэтому кабардинцы и балкарцы старались различными шумами и стрельбой разбудить стражей и спасти светила.

Не менее интересно объяснение названия Млечного Пути как «След отары», в чем нельзя не видеть отражение их земного скотоводческого уклада хозяйства.

В археологическом материале очень часты находки всевозможных подвесок в виде круга с перекрестием внутри. Этот вид амулетов, по общему признанию исследователей, является наиболее распространенным изображением культа солнца — подателя всех благ и живительного тепла. Именно изображение этого культа чертили на земле балкарцы, становились в его центр и произносили клятву, о чем писал крупнейший ученый-социолог XIX в. М. М. Ковалевский. Безусловно, перед нами в этом этнографическом штрихе проявляется клятва солнцем и небом, распространенная в народе.

Культ солнца и луны у многих народов проявляется с глубокой древности. В Кабардино-Балкарии это наблюдается с эпохи бронзы и отражено в нартском эпосе кабардинцев и балкарцев. Так, премудрая Сатаней — мать нартов — является дочерью солнца и луны, а одна из героинь балкарского эпоса зачала от лучей солнца. По верованиям адыгов, луна помогала им во многих житейских делах: По словам А. Мотрэ, «луна, которую некоторые черкесы обожают и поклоняются, открыла им врагов, и они изрубили на куски такое большое число людей...».

Источником знаний человека всегда является его трудовая деятельность и накопленный опыт. С трудовой деятельностью связано и зарождение искусства.

Образцы искусства известны в археологических памятниках в виде небольших скульптур из глины, бронзы, каменных стел. Определенное представление об этом

дают наскальные изображения, например, в верховьях р. Тызыл (приток Кенделена), где нарисованы сцены скотоводческого и охотничьего быта — всадники, животные, а также ломаные линии, изображающие горный ландшафт. Над этими изображениями нанесен упомянутый знак солнца в виде круга с перекрещивающимися лучами.

Большой интерес представляют орнаментальные узоры на войлочных коврах-киизах и арджанах (вид циновки), в которых изобилуют растительные, геометрические узоры, изображения круторогих туров, оленей и пр.

Значительное развитие получили такие практические отрасли знания, как народная медицина, фармакология, ветеринария, токсикология, залечивание переломов костей, различных ран, удаление больных зубов и т. п.

Очень большой интерес вызывает кабардинский обряд *чапц*, заключающийся в постоянном развлечении больного, чтобы отвлечь его от боли. У балкарцев существовали различные приправы и настои из трав, корней и плодов для лечебных целей. В этих же целях нередко использовались различные бусы — от болезней зубов, горла, глаз, желудка и т. д. При археологических раскопках нередко случаи находок бус неизвестного назначения, обнаруживаемые в одном-двух экземплярах в различных местах погребений. Есть основания полагать, что мы в этих случаях имеем дело с подобного рода бусинами-оберегами, использованными при заболевании той части тела, где они обнаруживались.

В качестве оберегов использовались и различные амулеты-подвески из зубов и клыков диких животных.

Умение плавить железо, обрабатывать серебряную руду, изготавливать порох и другие горнорудные навыки способствовали появлению элементарных знаний в области химии.

Многовековая скотоводческая культура этих народов не могла не отразиться в народном календаре. Многие месяцы года именовались у них определенными видами работ — сенокоса, стрижки, окота овец, отделения молодняка от маток, заготовки мяса впрок и т. п.

В период разложения родового строя и становления военной демократии, с усилением грабительских и оборонительных войн, возникают героические сказания.

В эпоху раннего железа у народов Северного Кавказа складывается героический нартский эпос. В своем развитии он, конечно же, не мог стоять на месте, на одном уровне, а постоянно дополнялся и пополнялся новыми историческими событиями, именами, отображенными в эпическом преломлении различных сюжетов. Например, в нартских сказаниях балкарцев нашли отражение прямые аналогии с мировоззрением скифов, древнетюркские легенды о происхождении тюркских народов, гуннская легенда о том, как они открыли для себя неизвестные ранее земли за Азовским морем и др.

На стадии перехода от доклассового общества к раннеклассовому, к которому мы склонны отнести и рассматриваемый период истории кабардинского и балкарского народов, начинается выделение профессионального умственного труда. Первыми такими профессионалами были сказители, певцы, постановщики театрализованных мифологических инсценировок и обрядовых мероприятий. К этой категории, несомненно, относятся кабардинские и балкарские сказители и певцы-джегуако, обличительных песен и сатиры которых побаивались даже князья, наделенные неограниченной властью.

Большое место в духовной культуре народов занимали обрядовые игры, связанные с различного рода хозяйственными работами, воспитанием ловкости и мужества, прошением дождя, хорошего урожая, богатого приплода и т. п.

Апогеем развития культуры общества является создание упорядоченной письменности. В этом отношении неоценимыми являются грамоты кабардинских князей XVI—XVIII вв., написанные на арабском и турецком языках. Столь же ценна каменная плита, найденная в 30-х гг. у аула Холам с балкарской надписью арабскими буквами, датируемая 1715 г. Надпись гласит о разделе и закреплении земли, установлении границ участков в присутствии третейских судей-свидетелей из соседней Дигории, Кабарды и Кумыкии (Дагестан). Этот документ свидетельствует о закреплении феодальной собственности на землю. В этом отношении его значение трудно переоценить.

Огромным историческим достоянием культуры народов Кабардино-Балкарии является обычай гостеприимства, зафиксированный еще в конце XIV в. летописцами Тимура при описании его походов на асов, обитавших

в окрестностях горы Эльбрус. В 1395 г., после поражения Тохтамыша, один из эмиров Джучиева улуса Утурку нашел убежище у правителя асов Пулада, владевшего неприступной крепостью. Тимур обратился с письмом к Пуладу с требованием выдать ему Утурку. Но асский предводитель дерзнул ответить отказом самому Тимуру следующим образом: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для защиты приготовлены; Утурку нашел у меня убежище и пока у меня будет душа в теле я его не выдам и пока смогу буду защищать его».

О гостеприимстве черкесов пишет Интериано: «Вообще у них в обычае гостеприимно и с величайшим радушием принимать всякого. Хозяина и гостя они называют — Конак».

Составным элементом духовной культуры народов являются различные предсказания, гадания и пр. Особо распространен среди балкарцев и кабардинцев обычай гадать на бараньей лопатке о будущем своего стада, о предстоящих военных столкновениях, о благополучии общины и т. п. В связи с этим уместно отметить недавнюю уникальную находку пастухов из Верхней Балкарии у перевала Шар-ыфчик. Речь идет о великолепно выполненной литой бронзовой лопатке овцы, которая, вероятно, висела на шее у древнего гадателя-шамана. Эта лопатка найдена вместе с другими бронзовыми предметами знаменитой кобанской культуры и датируется временем не позднее XIV—XII вв. до н. э.

У балкарцев в прошлом бытовал интересный и, вероятно, очень действенный метод наказания человека, уличенного в непристойном поступке — воровстве, предлюбодеянии и т. п. Такого человека привязывали к «Камню позора» — *Налат-таш*. Эти камни представляли собой огромные валуны с просверленными отверстиями, в которые продевали веревку, и ею привязывали человека. Стояли камни, как правило, на самом людном месте селения. Каждый прохожий выражал свое презрение привязанному к ним человеку-преступнику.

Одним из элементов культуры взаимоотношения людей являются и социальные институты типа атальчества, левирата и др. Составной частью духовной культуры балкарцев можно считать «собрание старейшин» — *Тёре*, во главе с верховным князем — *Олием*. На заседании Тёре решались все важнейшие вопросы войны и ми-

ра, экономических и культурных связей с соседними народами.

Большое место в культуре народов Кабарды и Балкарии занимали различные религиозные верования, и прежде всего языческие, зарожденные в глубокой древности. Неумение объяснить явления природы порождает поклонение предметам окружающей среды — камням, деревьям и пр. Смерть человека воспринималась как временное явление, и поэтому в могилу клали вместе с умершим все его оружие, орудия труда, пищу, воду, украшения и т. п. Это древнее представление у кабардинцев и балкарцев бытовало до принятия ислама — начала XVIII в. В захоронениях, как отмечалось, обнаруживаются сабли, стрелы, ножи, кинжалы, предметы быта — ножницы, иглы, наперстки, кресала, всевозможные украшения — перстни, кольца, серьги и мн. др. Все это говорит о глубокой вере в загробную жизнь в языческих представлениях. С культом предков связаны погребальные обряды и периодические поминки, сопровождавшиеся обильными угощениями, жертвоприношениями и т. д.

Один интересный поминальный обычай балкарцев был отмечен в XIX в. Как и у многих тюркских народов, он называется *чек* — т. е. «присядь». Суть его в том, что в ночь перед поминками изготавливается деревянное чучело, на него надевают одежду умершего, усаживают его у семейного очага, ставят перед ним угощение и просят у него помощи в своих житейских бедах. Поэтому обряд этот и называется *чёк* — поскольку чучело усаживалось у очага. Под таким же названием этот обычай зафиксирован еще в Орхоно-Енисейских тюркских надписях VIII в.

Языческие верования кабардинцев и балкарцев представлены большим пантеоном отмеченных выше божеств-покровителей различных хозяйственных работ. Всем этим божествам приносились жертвы, в честь их устраивались различные обряды, игры. В этой связи интерес представляет верховное божество тюркских народов — *Тейри (Тенгри)*. Еще в I в. через гуннов это божество было известно китайцам как бог «Синего неба» и отождествлялось с солнцем. По сообщениям древних авторов, этому божеству посвящались огромные деревья-дубы. Так, в V—VII вв. в столице гуннов — Барачане (в Северном Дагестане.— И. М.) был огром-

ный дуб, о котором писали: «Среди множества божеств был Тенгри-хан, чудовищный, громадный герой, бог неба и света. Ему посвящались деревья (дубы), строили капища, приносили в жертву коней, кровь которых поливали вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучья». Древнетюркский и балкарский Тейри аналогичен величайшему из греческих богов — Зевсу. Тому и другому посвящались огромные дубы и дубовые рощи, оба были богами неба, грома, молнии и дождя. Аналогии с греческими богами находят по своим функциям и многие адыгские божества, что достаточно отражено в литературе.

Говоря о посвящении деревьев божеству Тейри, нельзя не вспомнить священные деревья балкарцев и карачаевцев. Это прежде всего дикая груша *Раубазы* в Верхней Балкарии и «Одинокая сосна» в Карачае, которым в прошлом приносили жертвы, просили у них благополучия и счастья. Следует отметить, что в чудодейственную силу дерева верили и предки балкарцев — древние болгары, о чем пишут средневековые авторы — Никифор и Феофан.

Большое место в мировоззрении кабардинцев и балкарцев занимали обряды «Прощения дождя». С этой целью кабардинцы наряжали лопату, как куклу, и ходили с ней по дворам с песней-просьбой дождя. Этот обряд известен под названием *Ханца-гуаша*, что означает «Княжна-лопата». У балкарцев с этой же целью купали лягушку, раскрывали старые могилы и обращались к своим предкам с просьбой послать дождь для хорошего урожая и пр. Следует отметить, что к купанью лягушки с этой же целью прибегали и чуваша, одни из потомков древних болгар. А у гуннов лягушки, особенно черепахи считались священными, их изображения очень часты на погребальных покрывалах-войлоках, в захоронениях гуннских князей.

Нельзя не отметить различные обряды и игры по поводу первых весенних полевых работ, сопровождавшиеся обильными жертвоприношениями и пиршеством всей общины или селения. Исследователи XIX в. отмечали у балкарцев большой праздник, посвященный первому выходу в поле. Для этого дня всей общиной откармливали специального быка и в день праздника по его поведению угадывали будущий урожай: если он мычит, подняв голову, то урожай ожидается на верхних

полях, а если опустит голову, то на нижних... Затем его резали и устраивали всеобщий пир, сопровождавшийся играми, танцами и песнями. Очень важно, что этот обряд почти буквально совпадает с таким же праздником крымских болгар, описанным этнографами. Подобный обряд заставляет вспомнить эпизод с «огромным быком в 64 оохвата» из балкарских нартекских сказаний, вокруг которого ежегодно устраивали различные ритуальные игры, тризны и состязания. Археологический материал свидетельствует о значительной роли христианства в развитии духовной культуры кабардинского и балкарского народов. Эта религия проникала сюда двумя путями — из Византии через Западное Предкавказье и из Грузии по перевалам Центрального Кавказа.

В 1849 г. А. Фиркович, в 1867 г. братья Нарышкины, а позднее и многие другие авторы описали на территории Кабардино-Балкарии множество церквей, камней с изображениями крестов. Археологами обнаружено около 14 церквей рассматриваемого времени на нашей территории. «Крытую железом церковь» видел еще в 1772 г. академик Гюльденштедт в Верхнем Чегеме. А в 1743 г. здесь же кизлярский дворянин Алексей Тузов отмечает, что жители хранили в строжайшей тайне «священные книги», оказавшиеся обрывками Евангелия XV в. В 1960 г. на Верхне-Чегемском и Нижне-Джуглатском городищах XIII—XIV вв. были обнаружены настоящие христианские кресты, а недавно у сел. Лашкута найдены несколько каменных стел в виде крестов, возможно относящихся к X—XII вв.

Христианство отразилось и в народном календаре — в названиях дней недели, месяцев, нашло отражение в работах не раз упоминавшихся путешественников. Но все путешественники в один голос говорят, что у этих народов христианство было очень сильно переплетено с языческими верованиями.

По словам Ш. Ногмова, кабардинские фамилии — Шогеновы, Шогенцуковы — происходят от названий христианских священников-шугуенов. Гильом Рубрук писал, что «черкесы, аланы, асы исповедуют христианство», а Асколи уточнял, что у кабардинцев «есть Шугуены, умеющие немного читать по-гречески. Они соблюдают и христианские обычаи — по вторникам, средам и пятницам не едят мясо, соблюдают посты перед празд-

никами святых апостолов и перед рождеством Христовым».

К концу XVII—началу XVIII в. можно говорить о проникновении ислама. Как и у многих народов Северного Кавказа, первыми его приняли социальные верхи. Среди археологического материала об этом может свидетельствовать исчезновение к этому времени курганного обряда погребения у кабардинцев и появление мусульманских архитектурных форм в виде многогранных усыпальниц у балкарцев. О раннем проникновении ислама в города Золотой Орды может свидетельствовать и раскопанная нами на Нижнем Джулате крупнейшая на всем Северном Кавказе мусульманская мечеть XIV в., совершенно повторяющая по своим архитектурным деталям мечеть в столице Золотой Орды в г. Сарае Берке на Волге.

Распространение ислама существенно повлияло на мировоззрение народов Кабарды и Балкарии последующих веков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенный краткий очерк истории и культуры народов Кабарды и Балкарии XIII—XVIII вв. позволяет сделать следующие выводы:

1. События XIII—XIV вв., связанные с нашествием монголо-татарских полчищ и армий Тимура, нанесли огромный урон экономике и культуре народов Северного Кавказа. Вскоре после этих событий они оказались на острие противоречий между Турцией, Персией и Россией.

2. В создавшихся условиях добровольное вхождение Кабарды в состав России сыграло огромную положительную роль в дальнейшей исторической судьбе народов региона.

3. В XIII—XVIII вв. происходит процесс становления и развития традиционной культуры народов Кабардино-Балкарии. Происходит возрастающее взаимное знакомство с культурой и экономикой народов края между собой. Идет процесс сближения и формирования кровно-родственных и добрососедских отношений кабардинского и балкарского народов.

4. Сформировавшиеся в те века культурно-экономические достижения, материальная и духовная культура послужили фундаментом позднейшей культуры и экономики XVIII—XIX вв.

5. В рассматриваемые века у народов Кабардино-Балкарии были довольно развиты различные ремесла, промыслы. Шел процесс зарождения письменности, искусства. Получают дальнейшее развитие идеологические воззрения, фольклор и пр.

6. Все отмеченные факторы сопровождалось дальнейшим развитием земледелия, скотоводства, торговли и углублением социальных процессов — выделением княжеских семей, имущественным и социальным расслоением общества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I.</i> О древнейшей истории и происхождении балкарцев	5
§ 1. Историко-этнографическая справка	—
§ 2. Состояние изученности проблемы происхождения балкарского народа	10
§ 3. Происхождение балкарского народа	20
✓ § 4. Традиционная культура, идеологические воззрения и фольклор об этногенезе балкарцев	23
§ 5. Кавказский компонент в этногенезе балкарцев	41
<i>Глава II.</i> Об этнической истории кабардинского народа	48
<i>Глава III.</i> Некоторые вопросы расселения балкарцев и кабардинцев на нынешней территории	51
<i>Глава IV.</i> Краткий обзор исторических событий XIII—XVIII вв.	58
<i>Глава V.</i> Краткая характеристика социально-экономического развития народов Кабардино-Балкарии в XIII—XVIII вв.	65
<i>Глава VI.</i> Очерк материальной культуры кабардинцев и балкарцев XIII—XVIII вв.	87
Поселения и жилища	88
Архитектурное наследие	89
Одежда	92
Пища	98
Утварь	101
<i>Глава VII.</i> О духовной культуре кабардинцев и балкарцев XIII—XVIII вв.	102
З а к л ю ч е н и е	111

Учебно-методическое издание

Мизиев Исмаил Муссаевич

НАРОДЫ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ В XIII—XVIII вв.

Редактор *Л. П. Голикова*. Художник *И. Г. Абрамов*. Художественный редактор *Ю. М. Алиев*. Технический редактор *Н. М. Мокеева*. Корректор *Л. Т. Юркова*. ЛКБ № 1 от 30.09.91. Сдано в набор 18.01.95. Подписано к печати 18.05.95. Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,88. Уч.-изд. л. 5,91. Тираж 1000 экз. Заказ № 216. Издательство «Эльбрус». Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6. Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года Мининформпечати КБР. Нальчик, проспект Ленина, 33